

Игорь Бестужев

ПРАВЫЙ РУМЫНСКИЙ РАДИКАЛИЗМ В XX ВЕКЕ

Статья написана для сайта «Велесова Слобода»

Юго-Восточная Европа – культурная провинция континента и его неотъемлемая часть. Исторические события отвели Румынии прочное место как представителю «малых» наций, что не умаляет её самостоятельного значения в европейской политической и культурной жизни. На её примере видно, что не территория или мировое влияние государства определяют степень его культурных достижений, а уровень человека, воспитываемого страной. Политическая история Европы наложила глубокий отпечаток на творчество ряда видных представителей румынской культуры. Не случайно биография выдающихся румын – Мирчи Элиаде и Эмила Чорана легла в одну линию с материалами из жизни Мартина Хайдеггера и Карла Шмитта, Кнута Гамсуна и К. Юнга, Эзры Паунда и Селина, Э. Юнгера, Эволы и других представителей праворадикальных течений. Их пути вновь и вновь пересекались с путями Людвига Клагеса, Д. Джентиле, Ортеги-и-Гассета, французского медиевиста Альфонса Дюпрона, членов Французской

академии братьев Таро. Всех этих знаменитостей объединяло ясное сознание ущербности демократии и поиски выхода в политических структурах правого толка. Философы, писатели, юристы и ученые – они, каждый в своей сфере, упорно противостояли модернистским тенденциям в жизни европейских стран прошлого столетия. Творчество М. Элиаде и Э. Чорана трудно представить без влияния ярких личностей, создателей самобытной политической системы в Румынии 20-30-х годов XX века, – Корнелиу-Зеля Кодряну, Нае Ионеску и тех, кто формировал этот комплекс идей в более ранние времена.

Ведущий историк религий нашего времени – Мирча Элиаде родился в 1907г., «эстет Апокалипсиса» и «Ларошфуко XX столетия» – Эмиль Чоран – в 1911г. Еще в юном возрасте они попали в водоворот политических событий, чье направление отвечало сокровенным ритмам их творческих душ. Элиаде и Чоран не были простыми производными румынской жизни, прежде чем приобрели европейский масштаб и украсили своими творениями культуру XX века. Своеобразие быстро выделило их из круга праворадикальных интеллектуалов Европы. Традиционные связи Румынии с Францией сыграли роль в оформлении этапов жизненного пути обоих. Но это был способ наиболее легкого подключения к политическому и культурному быту Европы. Германия, несомненно, первенствовала в сфере консерватизма в 20-30-е годы благодаря обилию выдающихся личностей и солидным теоретическим разработкам. Франция же добавила к этому кругу свой ряд значительных фигур. Достаточно назвать Мориса Бланшо, Робера Бразийака, Тьерри Молнье, Дени де Ружмона, Поля Низона, Эммануэля Мунье.

В конце 20-х гг. здесь уже сформировались группы лиц, образовавших впоследствии объединения «Новый порядок», «Дух» и ряд других им подобных. Они стали предвестниками оглушительного падения Франции как демократического оплота «старой» Европы в 1940г. Мировоззрение этих людей резко контрастировало с упадочными тенденциями и моральными изъянами французского общества. Но интеллектуалам Франции так и не удалось навязать своему народу спасительную идею национального достоинства, в отличие от Германии, где освободительная революция победила, потому что опиралась на широкие круги немецкого народа.

Бухарест конца 20-х годов выделялся концентрацией и силой праворадикального движения на общеевропейском фоне благодаря историческим особенностям Румынии. В 1918г. при распаде Австро-Венгерской монархии вдобавок к Старому Королевству страна получила внушительные территории. Румыния заставила великие державы признать законность аннексирования ею Трансильвании у Австрии, Бессарабии и Буковины у СССР, Добруджи у Болгарии. Образовавшаяся «Великая Румыния» увеличила территорию в два раза, а население – в два с

половиной раза. Она превратилась в полиэтническое государство, на треть состоявшее из крупных национальных меньшинств: немцев, евреев, венгров, ... нежелательных в разной степени. В 1919г. на мирной конференции под нажимом союзных держав Румыния предоставила евреям гражданские и политические права, которыми они уже пользовались повсеместно в Европе /Венгрия была первой европейской страной, где в ходе хортистской революции 1920г. был утвержден закон о процентной норме, направленный в основном против евреев/.

На рубеже 20-30-х годов в Румынии разразился кризис. Великая депрессия 1929г. нанесла страшный удар по экономике. Во всех европейских странах, переживавших сходные процессы, на дезорганизации жизни наживались группы финансовых воротил с выделяющейся еврейской прослойкой. Специфика румынского хозяйства усилила кризисные явления. Аграрная реформа была провалена. Сельскохозяйственное население массами мигрировало в города. В 1933г. власть жестоко подавила забастовку рабочих. Безработица, низкая заработная плата, разорение мелкой и средней буржуазии – всё означало крах румынского парламентаризма и демократии с её бессмысленной конституцией 1923г. В Бухаресте эти явления вызвали нараставшие по продолжительности и силе антисемитские выступления. Интеллектуальные круги и значительная часть населения сочли устранение евреев лекарством от капитализма, бедности, упадка нации, и от большевизма, угрожавшего всей Европе. Антисемитизм в Румынии распространяли политики, православное духовенство, мыслители... Многие из них получили образование в Берлине, Вене, Париже. В авангарде выступлений часто были студенты, число которых выросло за 1915-29гг. более чем в четыре раза. Мощная волна радикализма опиралась на пропаганду самопожертвования и героизма, тогда как дремлющая государственная власть еще не осознала характера и масштабов переживаемых событий. Студентов-евреев преследовали, избивали, исключали из Бухарестского университета, который закрывался несколько раз.

Яростными пропагандистами антисемитизма, имевшего давние корни в Румынии, были – выдающийся поэт Михаил Эминеску /1850-89/, филолог и историк XIX века И.З. Хосдею. Позднее евреев обличали, как «иностранные охвостье», историк Николае Йорге, /1871-1940/, философы Нае Ионеску и Никифор Крайник, археолог Василе Парвану /1882-1927/, теоретик румынского архаизма Луциане Блага /1895-1961/. Идеи Благи сформировались под влиянием немецкого романтизма и повлияли на концепцию румынской национальной идентичности с начала 20-х годов до наших дней. Этих лиц объединяла органическая ненависть к этосу современного общества. Их изыскания опирались на тезис преемственности современной Румынии от древней Дакии времен царя Бурнебисты /70г. до н.э./, жителей которых Геродот описывал как «самых справедливых и

самых храбрых среди фракийцев». – Известно, что храбрейшие римские легионы и ряд выдающихся императоров Римской империи в период её заката /3-4 в. н.э./ были выходцами с Балкан и территории современной Румынии /иллирийцы, фракийцы.../. В. Парвану в 20-е годы XX века развивал эту идею параллельно резкому росту интереса к древним ариям в Германии. В 1970г. Мирча Элиаде повторил её основные положения в работе «От Залмоксиса до Чингисхана».

Постепенно идеями румынского национализма проникались ведущие интеллектуалы страны, многие из которых до второй половины 20-х годов не интересовались политикой, как сферой преобладания ненавистной им парламентской демократии. В 1927г. вожаком молодого поколения румын стал двадцатилетний Мирча Элиаде. Национальные настроения и идеи, кроме Элиаде и Чорана, тогда представляли философ Константин Нойку /1907-87/ и писатель Мирча Вулканеску /1904-52/. Группируясь вокруг журналов «Чувинтул», «Акса», «Календул» и ряда других изданий, они посещали университетские семинары по философии, где блистал харизматический Нае Ионеску /1890-1940/ – их признанный учитель. С 1927г. Элиаде публиковал в престижном журнале Н. Ионеску «Чувинтул» двенадцать очерков «Духовный путь», «Письма к провинциалу» и статьи в национальном духе. Очерки тогда вызвали духовное потрясение в Румынии. В 1980г. Элиаде писал о том времени: «Миф о бесконечности прогресса, вера в возможность науки и техники обеспечить всеобщий мир и социальную справедливость, верховенство рационализма – всё это разлетелось еще на полях сражений» /в Первую мировую войну – И.Б./. – «Кризис, переживаемый Западом, для меня являлся доказательством отмирания ценностей военного поколения. Задача обретения новых ценностей возлагалась на нас – молодое поколение». – В его состав вошли наиболее талантливые и самобытные умы страны. Там кипел живой дух творчества, сопровождаемый национализмом и ксенофобией.

Но одновременно с Молодым поколением /МП/ возникли противоположные по идеям авангардистские течения, которые представляли в большинстве лица еврейского происхождения: эссеист из Молдавии Бенъямин Фондане, художник В. Браунер, скульптор К. Бранкузи, поэты – Т. Теари, Урмуз, «непризнанный предтеча дадаизма» Иларие Воронка... В левом политическом авангарде обретались навязчивые спутники правых радикалов – скомпрометированный во время войны, но затем прославленный европейскими либералами Эжен Ионеско и социал-демократ Михаил Себастьяну. Укорененность в национальной почве или её отсутствие разделяли граждан Румынии гораздо резче, чем их художественные предпочтения.

Большинство румынских патриотов-«нонконформистов», почуявших агрессивные веяния в политике после долгих лет застоя, не случайно выбрали Легио-

нерское Движение – будущую [Железную Гвардию](#) – /ЖГ/. Её основал в 1927г. студент факультета права университета г. Яссы Корнелиу Зеля Кодряну под именем Легиона Михаила Архангела. – Православная организация, имевшая внушительное интеллектуальное крыло, быстро набрала силу, превратившись ко второй половине 30-х гг. в одно из самых мощных движений фашистского типа в Восточной Европе. До 1941г. все румынские правительства вынуждены были договариваться с ним.

Большинство из Молодого поколения до 1933г. испытывали презрение к политике. Чоран называл ее «несостоятельной» и «грязной», а политиков «ничтожными» и «безответственными». Элиаде утверждал, что политика находится на периферии духовных ценностей. Но с начала 20-х годов главы МП уже задумывались о политике нового толка, сочетающей духовность с национальными ценностями, которые отвергали и высмеивали метавшиеся по европейским политическим закоулкам Эжен Ионеско и его единомышленники.

Большой идеологический заряд содержался тогда в культе жизни и молодости, в антипарламентаризме и призывах к героизму. Настроения молодых румын пронизывали мистические порывы, отказ от гуманистической морали, возрождение интереса к фольклору, как хранилищу национального опыта. Духовным нервом многих молодежных движений стало православие, которое с исключительной силой воплощала в политическую практику Железная Гвардия Кодряну. С конца 20-х гг. [Мирча Элиаде](#) присматривался к идеологии ЖГ, ощущая ее новизну и преодолевая отвращение к политике в ее нелепом парламентском варианте. В то время Э. Ионеско восхищался энциклопедическими познаниями Элиаде, называя его гением, но еще сомневаясь, куда приведет «чародея молодежи» стихия национального пробуждения. К. Нойку свел Ионеско и с Эмилем Чораном. Элиаде восхищался философской и литературной эрудицией 21-летнего Чорана. – «Ему одинаково хорошо удавались философские эссе и необыкновенной силы памфлеты», – писал он о Чоране уже в 1978г. Оба молодых румына вели интенсивную творческую жизнь. За 1925-28гг. Элиаде опубликовал более 250 работ разного объема и не меньше в 1932-33гг. Чоран выпустил около 30 работ, в основном эссе.

Э. Ионеско за то же время написал более 60 критических заметок о литературе и искусстве, а также слабые стихи в духе символистов и сюрреалистов. Но дурную славу он приобрел публикацией насыщенного презрением к румынскому народу памфлета «Нет», о котором Чоран писал: «У меня возникло ощущение, что меня с головой окунули в общественный туалет. Никогда в жизни не испытывал такого омерзения при чтении книги... Интеллектуальное и моральное убожество... В ничтожестве этого человека так мало трагического, что я не могу испытывать по отношению к нему ни жалости, ни презрения». В этой книге

Ионеско развенчивал все общепризнанные символы гордости и славы Румынии. Он писал: «Мы должны пройти школу западных культур. Подобная культуризация не обязательно означает государственную измену» /!/. Его работы того периода вызвали взрыв возмущения в литературном мире Румынии. Поразительно, что Ионеско до конца Второй мировой войны служил Румынии – союзнице национал-социалистической Германии на дипломатических постах, исполняя чуждую для него роль пропагандиста румынских ценностей /!/. Это свидетельствовало не только об исключительной приспособляемости подобных лиц, но доказывало силу влияния закулисной власти, пережившей все превратности и режимы. Королевский институт, вручив в 1934г. премию Эмилю Чорану за книгу «На вершинах отчаяния», демонстрируя сомнительную беспристрастность, премировал также Ионеско за книгу «Нет».

Антиподы попали в одну историческую колею. Чоран, родившийся в семье православного священника, с юности жил в атмосфере румынского национализма. В 1933г. он закончил философский факультет Бухарестского университета, напитавшись произведениями немецких мыслителей. Внимательное чтение Достоевского углубило социальный пессимизм Чорана, всю жизнь напряженно искавшего выход из тупика, в который попало европейское сознание. Антисоциальность Эжена Ионеско вытекала из другого источника. Подтверждая навязчивую идею Фрейда об «эдиповом комплексе», почерпнутую из национального опыта, он ненавидел румынского отца и страстно любил свою еврейскую мать. Сознание принадлежности к «избранному народу» не оставляло Ионеско на протяжении всей его жизни, принимая формы, соответствовавшие политическим переменам в мире.

Румынский патриотизм Мирчи Элиаде и Чорана имел разные оттенки. В то время как Эмиль Чоран неприязненно относился к сельскому миру с технократически-цивилизационной точки зрения, Элиаде гордился своим происхождением от свободных крестьян. Любознательность и ранняя тяга к чтению привели его в 18 лет к сотрудничеству с молодежным журналом, близким к Лиге национальной христианской обороны /ЛНХО/ – антисемитской организации, предшественнице Железной Гвардии К.З. Кодряну. За несколько лет до национал-социалистов ЛНХО сделало своей эмблемой свастику и боролась за введение процентной нормы в университетах. Но поскольку её лидер А.Г. Кузя не спешил с превращением ЛНХО в боевую организацию, Кодряну создал Железную Гвардию. Получив сначала активную поддержку крестьян, ЖГ затем проникла в городскую среду, вербуя представителей мелкой и средней буржуазии /чиновники, преподаватели, адвокаты, студенты, торговцы, врачи/. Разрастаясь, организация создавала множество добровольческих трудовых отрядов, демонстрируя готовность перестроить экономику на общенациональных началах,

без вмешательства финансовой плутократии. На парламентских выборах 1937г. Железная Гвардия получила 16% голосов /3-е место, 66 депутатов/.

Но еще десять лет назад Кодряну обрел серьезную поддержку исполнительной власти. За 1928-33гг. его Движение увеличило число активистов с 28 до 272 тысяч. Левая оппозиция националистам была серьезно ослаблена запретом в 1924г. румынской компартии. Братья Таро и социал-демократ Г. Сталь, посетившие Румынию в 1938г., описали К.З. Кодряну как «мощного» человека, наделенного преобразующей энергией как никто из румынских политиков со времен революции 1848г. Мирчу Элиаде «подавляло само присутствие Капитана». Кодряну писал: «Через 48 часов после победы Движения на выборах Румыния вступит в союз с Римом и Берлином и вернется на естественный путь своей истории: – «к защите Креста, христианской цивилизации и культуры».

В Железной Гвардии соблюдалась суровая дисциплина. Множество испытаний должны были превратить посвящаемых в национальных героев. Организация провозгласила борьбу не на жизнь, а на смерть с евреями и их «охвостьем» – коррумпированными или «объевреившимися» политиками и другими предателями нации. Еще в 1931г., избранный депутатом Кодряну, сказал в парламенте: «Возникновение еврейского присутствия на нашей земле стало провозвестником смерти румынского народа. Если численность евреев начнет возрастать, для нас это будет смертельно... Когда необходимо выбрать между смертью моего народа и смертью вора, я предпочитаю выбрать смерть вора, и я полагаю, что лучше выполню свой христианский долг, если не дам вору разорить и разрушить мою страну».

В 1933г. в сборнике для инструкторов-легионеров Кодряну писал: «Еврейский вопрос представляет для нации самую большую опасность... с ранних времен своей истории». В книге «Для легионеров» руководитель ЖГ доказывал, что евреи захватили демократические страны руками масонов и международного финансового капитала, а Россию – руками большевиков. Их главная цель – направить народы «на путь распада через разрушение семьи, отравление алко-голем и другие аналогичные бедствия». Легионерам запрещались все контакты с евреями, вплоть до посещения еврейских магазинов и арендуемых ими домов. В 1934г. второй человек в Железной Гвардии Ион Мота – переводчик на румынский язык Протоколов сионских мудрецов, близкий друг Элиаде предложил Международному фашистскому конгрессу в Монтрё включить борьбу с еврейством в число первоочередных задач фашистского движения. Но в отсутствие немецкого представителя это не прошло /!/.

Знаток иудаизма Нае Ионеску еще в серии статей 1926г. под общим названием «Кризис иудаизма» доказывал, что творчество Спинозы, вообще иудейский дух

явились первопричиной рокового отклонения путей развития современной культуры в направлении индивидуализма и демократии. На протяжении 30-х годов антисемитизм исповедовало большинство румынских политических организаций. Мирча Элиаде говорил в то время о необходимости «вывода токсических веществ из организма» /750 тысяч евреев Румынии – 4% от 18-млн. населения/. Около 70% евреев сконцентрировались в городах и были широко представлены в экономической и общественной жизни Румынии. Еврейское процветание вызвало массовое недовольство страдавшего от кризиса народа. Железная Гвардия добивалась введения процентной нормы в университетах. Учащались погромы. К концу 1937г. по указанию Кароля II было принято самое жёсткое антисемитское законодательство в Европе после немецкого. Поэт и политик Октавиан Гога требовал выслать евреев на Мадагаскар или подальше. – /Вскоре он и А.Г. Кузя на некоторое время вошли в руководство страной/.

Между тем, Мирча Элиаде быстро насыщался национальными идеями. Закончив философский факультет Бухарестского университета, он увлекся итальянским Ренессансом. Это привело его к знакомству со знатоком искусства Италии, философом Джованни Джентиле – официальным идеологом фашизма и министром образования в правительстве Муссолини. Элиаде рано познакомился с творчеством Юлиуса Эвола и в 1927г. написал рецензию на его работу «Оккультизм как ценность современной культуры». Несколько лет спустя оба мыслителя независимо друг от друга соединили в своих трудах идеи правого радикализма и религии. Элиаде заворожила концепция «духовной мужественности» Эвола, идейно близкая работам другого кумира молодого румына – Джованни Папини.

В 1928г. Элиаде опубликовал эссе «Апология мужества», ставшее ориентиром для широкого круга читателей. Их привлек горячий призыв возродить одновременно мужественность и христианство, подвергая себя опасности через «самоопределение и самоизменение». В 1930-31гг. Элиаде стажировался в Индии. Через год по возвращении он преподавал в университете. Защитив летом 1935г. диссертацию о йоге, молодой ученый стал ассистентом и яростным сторонником Нае Ионеску, занимаясь исследованиями в области алхимии и космологии. В этих архаичных дисциплинах Элиаде отыскивал элементы, созвучные задачам современной духовности. Одновременно он исповедовал православие, идеи почвенничества и культ крестьянства, в духе Вальтера Дарре, но с румынской спецификой. Элиаде прославлял «творческую энергию народа», традицию, поставленную на службу создающейся новой государственной идеологии. Он писал: «Ценности, триумфа которых мы добиваемся, не являются порождением политэкономии, техники или парламентаризма».

Ключевую роль в обращении Элиаде и Чорана в поборников Железной Гвардии сыграли Нае Ионеску и К.З. Кодряну. Известность Н. Ионеску приобретала ев-

ропейские масштабы. Им интересовался выдающийся правовед Карл Шмитт, впечатливший Элиаде в 1942г. «метафизической смелостью, нонконформизмом и широтой взглядов» /еще в 20-е годы мысль Шмитта была проникнута антисемитизмом и презрением к Веймарской республике/. Мирча Элиаде писал о лекциях Нае Ионеску /«Фауст и проблема спасения» и др./: «Мы присутствовали при рождении мысли, происходившем прямо у нас на глазах». Н. Ионеску обладал феноменальной памятью, цитируя наизусть главы из Шпенглера и Шелера, и дополняя их собственными построениями. Его органицизм был близок идеям Отмара Шпанна и Готфрида Бенна. Сближение этого ученого с легионерами осенью 1933г. стало громким успехом Железной Гвардии. Но тогда же вышло третье /!/ постановление короля Кароля о роспуске ЖГ. Однако логика событий вела политические силы Румынии в другую сторону.

Против запрета легионерского движения активно выступили Элиаде и Нае Ионеску, только что вернувшийся из Германии, и переполненный впечатлениями от национал-социалистической революции. – Он считал ее за образец для Румынии. Позднее Н. Ионеску повел кампанию против «искусственного образования» – Лиги Наций и осуждал «противоестественный альянс» Румынии с Англией и Францией. Идеи Нае Ионеску /«беспокойного, одинокого, демонического»/, которого сравнивали с Андре Жидом и Шарлем Пеги, отличались от построений этих консерваторов комбинацией элементов, характерных только для Румынии. Четыре принципа лежали в её основе:

1. Тоталитаризм. Органическая целостность православного народа должна воплощаться в сильном государстве, проникающем во все сферы жизни.
2. Модернизм. Техника против аграрного подхода к экономике.
3. Элита, составленная из «новой легионерской аристократии».
4. Этнический принцип организации общества.

Нае Ионеску отказывал евреям в праве румынского гражданства. Он писал: «Христос и евреи – два взаимно чужеродных тела, мир между которыми воцарится только при условии исчезновения одного из них».

Эмиль Чоран в это время интенсивно осмыслял перемены в Европе. Он тяготился комплексом «малой нации» с её крестьянским преобладанием и искал приобщения к радикальному культурному слою крупных европейских государств, прежде всего Германии. – На глазах Чорана в этой стране утверждался строй, в котором воплощались общественные идеалы целых поколений европейских консерваторов. Изобличая смертоносное царство «достаточного разума» /Элиаде/, «французский дух» /Чоран/, и «мертвый гуманизм» /К. Нойка/, а также общий идеал Просвещения, лидеры Молодого поколения восхваляли ре-

альность и риск, воспевали биологическое начало, этнос. Это соответствовало идеям французских правых интеллектуалов – Морису Барресу и Анри Монтерлану. Художественные произведения Элиаде и Чорана имели форму дневника или исповеди, введенную в литературу Андре Жидом. Абсолютное неприятие буржуазных порядков сопровождалось у Чорана трагическими мотивами «откровения горя», «преобразования в ничто». Об этом его книги 30-х годов: «На вершинах отчаяния» «Драмы существований», «Иррациональное в жизни»... Эти мотивы Чоран соединял с превозношением «варварства». Он противопоставлял «французскому чувству существования» тягу румын к «варварской основе испанского, немецкого, русского/!/ духа». – Блеск литературного изложения здесь соседствовал с заимствованиями из философии немецкого и французского экзистенциализма и тоталитарного опыта европейских стран.

В этот период оба румынских писателя, сближаясь с националистами, близкими к Железной Гвардии, подводили интеллектуальный базис под практическую политику сторонников К.З. Кодряну. Яркими личностями среди них были – один из лидеров Легионерского движения Дан Ботта /1907-58/; музыкальный критик и драматург Раду Гир /1905-75/, сыгравший исключительную роль в пропаганде ЖГ и ставший при легионерском правительстве генеральным директором театров; писатель Эрнст Берня основавший в 30-е годы журнал ЛД «Rânduiala».

Один из идеологов этого направления – популярный уже в 20-е годы философ и профессор теологии Никифор Крайник /1889-1972/, создатель в межвоенный период журнала «Gandirea» /«Мысль»/, стал главой влиятельной группы того же названия. Он занимался теорией изгнания инородцев – прежде всего, исключением евреев из интеллектуальной и общественной жизни Румынии, как и Нае Ионеску, призывая к ликвидации парламентаризма. Крайник называл Талмуд источником масонства и марксизма, нацеленных на дискредитацию христианства и разжигание национальной розни. Старый профессор университета в Бухаресте Константин Радулеску-Мотру /1869-1957/ отвергал «общественный договор», пропагандируя новую организацию государства на заповедях биологической жизни народа. Он призывал к «единству мировоззрения и действия», чтобы побороть индивидуализм элит и общинность масс, исполненную мистицизма. Радулеску-Мотру распространял идеи «румынизма», способствуя восхождению Легионерского движения. Все эти лица приветствовали революционный подъем в Европе 30-х годов.

Во время путешествий по Балканам в 30-гг. известный французский писатель правых взглядов Поль Моран, через несколько лет ставший послом вишистского правительства в Румынии, в книге «Бухарест» отмечал политический национализм и расизм «знаменитого археолога Парвану» и группы «Gandirea». Он особо отметил «удивительную личность и несравненный ум» профессора общей фило-

софии и метафизики литературного факультета университета в Бухаресте Нае Ионеску. Концепция румынской идентичности основывалась у идеологов группы на постулатах органической связи народа и православной церкви.

Постепенно организации Молодого поколения проникались правоконсервативными взглядами. Так случилось с группой «Критерион», первоначально зараженной либеральным духом, где читались лекции о Фрейте, Ленине, Ганди, А. Жиде... Видные члены группы – Элиаде, К. Нойку, Михаил Полихрониад, Дан Ботта, Арсавир Актерян – поочередно вступали в Легион. Лидеры Железной Гвардии утверждали, что революционное пришествие «нового человека» имеет подчиненное значение в сравнении с практикой и победой фундаменталистского православия. Как всякий фундаментализм, это направление выходило за рамки религиозного мировоззрения, властно вторгаясь в политику. Элиаде писал в 1933г.: «Человек, освобожденный от светских суеверий,... сперва возникал среди представителей элит, а затем воспринимался копировавшим элиты большинством». Склонный к обобщениям, он видел основную проблему своего времени во «франкмасонском духе,... который пропитал и перевернул всю европейскую ментальность» /статья «Масонская ментальность» в сборнике «Океанография» с сильной антисемитской окраской/.

Мирчу Элиаде привлекло в Легионерское движение, прежде всего, слияние православной духовности с самобытностью в идеологии её вождей. В «Духовном пути» он утверждал, что эволюция современного сознания обязательно приведет к православию /Чоран не разделял этого мнения/. Элиаде воскресил представление о великом начальном периоде румынской истории, охватывающем тысячелетия, – древней Дакии. «Румынизмом» Элиаде называл «требование государства органического, унитарного, этнического и справедливого». Для Элиаде духовное наследие Эминеску, Йорги и Парвану имело такое же основополагающее значение, как для французских националистов – творчество Эдуарда Дрюмона, Мориса Барреса и Шарля Морраса.

Если Чоран был непредсказуемым попутчиком Легионерского движения, то Элиаде относился к Движению серьезней. Он выступал на его митингах и собраниях и, не будучи формальным членом, помогал в избирательных кампаниях. С середины 1936г. Элиаде опубликовал в легионерской газете «Vremea» серию статей в поддержку ЖГ. Пик этой приверженности пришелся на 1936-38гг. В 1934-38гг. он опубликовал во «Vremea» более 50 статей пролегионерского характера. После 1937г. Мирча Элиаде восхищался успехами Железной Гвардии в воплощении идей, разработанных им десять лет назад в «Духовном пути». «Революция, которую намеревается осуществить К.З. Кодряну, отличается таким глубоко мистическим характером, что её победа будет означать победу христианского духа в Европе», – писал Элиаде. Во «Vremea» печатались резкие

статьи в адрес евреев и франкмасонов, обвиненных во всех болезнях общества. Мирча Элиаде поддерживал в своих статьях настроения антисемитизма и ксенофобии, захватившие Румынию. Он возмущался тем, что среди членов совета одного из трансильванских городов насчитывалось «26 чужаков против всего 7 румын» и открыто требовал ведения процентной нормы для евреев, если не прибегать к насильственной мере или изгнанию из страны.

Для румын нового поколения имели особое значение работы историка Хасдеу, поэта Эминеску и философа Василе Конта, обосновывавшего дискриминацию евреев научными аргументами в труде «Еврейский вопрос» /1879г./. Элиаде писал: «Антисемитизм этих трех великих румын имел экономическую и этическую природу». – «Наш правящий класс больше не имеет представления о том, что такое государство... Так называемые настоящие патриоты ничего не делают. Они остаются пассивными, когда им, например, сообщают, что в Марамурше, на Буковине, в Бессарабии звучит только еврейская речь, что румынские деревни пустеют, что меняется всё, вплоть до архитектуры городов... От них не дожидаться никакой реакции и когда обращаешь их внимание, что из-за евреев бедствие алкоголизма распространилось в Молдавии». И, продолжая тему, – «нации, чей правящий класс... разглагольствует о положительных качествах некоторых иностранцев, жить осталось не слишком долго».

В статье «Медитация о поджоге соборов» /февраль 1937г./. Элиаде поддержал антисемитское законодательство в Германии, но возмущался мировой реакцией на него. – «Как же происходит, что при такой фашистской и редкостно антисемитской диктатуре, какой является гитлеровский режим, в самом сердце Берлина гордо и сосредоточенно высится синагога; между тем, 06.02. в Париже, первой акцией вошедших во власть коммунистов стал поджог соборов!». «Задумайтесь на минуту: с одной стороны, фашистско-антисемитская революция, которая не оскверняет синагог и не совершает массовых убийств евреев; а, с другой стороны, коммунистическая революция, в ходе которой были сожжены тысячи церквей и погибли 1,5 млн. человек!». – /Элиаде имел в виду Испанию и Россию. Масштабы непродолжительного преследования иудеев осенью 1938г. в Германии несопоставимы с гонениями на церкви в этих двух странах/.

С особенной силой ученый обличал прозападную румынскую интеллигенцию, повторяющую обвинения и домыслы о тоталитаризме: «Трусость аполитичных интеллектуалов вызывает у меня отвращение... Румыния не должна иметь с Западом ничего общего». Элиаде предостерегал колеблющихся: «предать – значит дезертировать со своего боевого поста в сражении, которое ведется против варварства, хаоса и тьмы,... против демократического разложения». «Нельзя считать человека интеллектуалом только за то, что он обложился дипломами и напичкан исключительно книжной премудростью».

Во второй половине 30-х годов дюжина печатных органов пропагандировала Легионерское движение, обличая правящий королевский режим. Элиаде был одним из самых активных авторов: «В новейшей румынской истории не найти примеров подобной низости, такого падения нравов. Никогда не встречалась такая непродуманность и подлость... Подавляющее большинство идейных вдохновителей и практических организаторов этого покушения на достоинство страны были рекрутированы среди темных дельцов, шпионов и демагогов одиозной эпохи 1918-21 годов... всю эту мерзость надо уничтожить до основания». В статье 1937г. «Диктатура и личность» Мирча Элиаде восхищался Муссолини, который «ищет именно личностей. При нем тот, кто думает по-своему, быстро повышается до самого высокого ранга». Элиаде приводил в пример своего друга Джузеппе Туччи, ставшего одним из идеологов и видным функционером итальянского государства.

Кризис европейской цивилизации постоянно был в центре внимания ученого. «Европа на пороге Апокалипсиса,... в ней всё смешалось, она рушится под тяжестью глупости, подлости, дьявольщины. Отвращение мое столь сильно, что порой принимает форму государственной измены... Я надеюсь, что Румыния не относится к континенту...», – писал он. Бедствия своей страны Элиаде объяснял разлагающим влиянием европейской демократии: «Будучи продуктом иностранного производства, демократический режим интересуется исключительно абстракциями, вроде прав человека, прав этнических меньшинств, свободой совести, которые не относятся к числу особенностей румынской жизни». – Оказавшаяся под угрозой демократия «всегда неизбежно соскальзывает влево, готовя приход коммунистов». Выход – в «национальной революции – шагу вперед на пути к силе и достоинству».

В июле 1936г. Мирча Элиаде посетил в Англии Конгресс Движения Оксфордской группы, основанной в начале 20-х годов. Перед собравшимися православными, протестантами и католиками глава Движения – американский пастор Фрэнк Бухман призвал Гитлера «встать под знамена Господа». Элиаде говорил о необходимости «христианской революции». В ноябре этого года в Бухаресте прошел съезд Национально-христианской партии под руководством О. Гоги и А.К. Кузы. Залы заседания украшали знамена Германии, Италии, Испании и румынские знамена со свастикой/!/. В речах раздавались проклятия евреям. Элиаде скорбел о гибели в Испании двух ведущих функционеров ЖГ Марину и Мота, сражавшихся на стороне Франко вместе с десятью другими легионерами. На съезде выступал философ Петре Тутя /1900-91/ – «гений устного жанра», по выражению его близкого друга Элиаде, ставший в 90-е годы кумиром крайне правой румынской молодежи и более широкой публики. В 1937г. ученый попытался придать академический характер своему погружению в Легионерское движение. Он читал лекции в университете и подготовил к публикации двухтомник из-

бренных политических и литературных работ З.П. Хасдею – одного из властителей дум румынских националистов. В свое время Хасдею яростно выступал против «еврейской проказы», распространенной решением Берлинского конгресса 1878г. об эмансипации румынских евреев, и написал книгу о Талмуде, используя все свои научные познания для превращения антисемитизма в политическую идеологию.

К концу 1937г. в Легионерском движении собралось много интеллектуалов-идеалистов. Его мощь была как никогда велика. Элиаде в статье «Почему я верю в победу Легионерского движения» прославлял «христианскую революцию», осуществляемую Железной Гвардией, и воздал хвалу генералу Г. Кантакузино-Граничеруа, ставшему командиром у легионеров – «типичному представителю старой знати, перешедшей в лагерь Кодряну». Мирча Элиаде видел политическую миссию ЖГ в духовной революции в европейском масштабе, тогда как Европа билась в предсмертных муках под гнетом демократии, индивидуализма и меркантилизма.

Террор против представителей старой румынской верхушки начался в конце 1933г., когда легионеры убили премьер-министра Румынии либерала И. Дука – идеолога ослабления государственной власти /!/. На университетском семинаре по философии религии /1936-37гг./ Элиаде воспевал «созидательную смерть» легионеров в Испании, после которой К.З. Кодряну создал десятитысячный легионерский корпус их имени, подчинявшийся исключительно жесткой дисциплине, с девизом «Gata de moarte!» /«К смерти готовы!»/. Еще раньше – на съезде Железной Гвардии в 1935г. было решено уничтожить многих известных политиков и другой «сволочи». Теперь для убийства каждого из них в отдельности создавался особый «эскадрон смерти». В 1939г. убит министр внутренних дел А. Калинеску и либеральный политик В. Мадьяру, в ноябре 1940г. недостаточно радикальный по меркам легионеров историк Николае Йорга. Но еще в 1938г. К.З. Кодряну, Нае Ионеску и сотни других легионеров, включая Мирчу Элиаде, заключили в лагерь. Их вскоре выпустили кроме Кодряну, которого судили и расстреляли «при попытке к бегству».

Осенью 1940г. маршал Антонеску низложил короля и возглавил страну с титулом Conducator /нем. «фюрер»/. С его приходом Легионерское движение с новым руководителем Хоря Сима /единственная разрешенная партия/ было включено в правительство. По Румынии сразу же распространился террор. Пять месяцев Антонеску делил власть с ЛД, но, будучи приверженцем порядка и дисциплины, в январе 1941г., после выступления легионеров против его власти за «нерешительность», разорвал с ними союз при поддержке армии и с одобрения Гитлером его действий. Часть членов Движения перебралась в Германию, Австрию и Венгрию, другая часть оказалась в первом эшелоне, мобилизованном

для войны с СССР, и отправлена на Восточный фронт. Кое-кто выехал за рубеж в составе румынских дипломатических миссий. Маршал испытывал глубокую симпатию к Германии, как гаранту необратимых антидемократических перемен в Румынии: «Следует безусловно присоединиться к Оси и идти с ней до самой смерти».

В непосредственную зависимость от Германии страну поставил вал территориальных проблем. В середине 1940г. СССР потребовал от Румынии оставить Бессарабию и Северную Буковину. Тогда же третейский суд в Вене постановил передать Южную Трансильванию Венгрии, а район Добруджи – Болгарии. Немцы поддержали новый румынский режим. Население приветствовало Антонеску и немецкие войска, наводившие в Румынии порядок. Маршал говорил: «Лучше быть прислужниками немцев, чем рабами жидов!». Антонеску доказывал Гитлеру, что «расовые структуры Румынии позволяли ей играть роль этнической опоры Рейха» в Восточной Европе.

Судьбоносные перемены в жизни двух выдающихся румын начались на несколько лет раньше выезда за границу при содействии А. Дюпрона /Элиаде в апреле 1940г., Чоран в начале 1941г./. Эмиль Чоран в конце 1933г. перешел в крайне правый лагерь. Он писал: «Мы все убеждены в крахе современной индивидуалистической и рационалистической культуры... Кругом лишённые содержания институты, отжившие нравы, пошлые вкусы, верования старые, как стоптанные башмаки». – /Сколько же мерзости добавила к этим явлениям мировая, а затем российская демократия в наше время! – И.Б./. Во второй половине 30-х годов Чоран усмотрел политическое выражение своей концепции витализма в практике национал-социалистического строительства в Германии. Мотивы решения служить тоталитарному государству выражены в его книге «Преобразование Румынии»: «Нации в критические моменты своей истории не могут позволить себе роскошь иметь режим, где есть политические свободы, где трата энергии на противоположные порывы и ориентации обессиливают страну».

В 1933-35гг. Чоран неоднократно посещал Берлин и Мюнхен, выражая в мастерски написанных статьях восхищение новыми немецкими порядками. – «Замечательно видеть, как режим, чтобы оправдать свое существование, идет на изменение законов, изменение религии, меняет направления в искусстве, создает новую историческую перспективу, одним махом устраняет три четверти привычных ценностей». Недовольным Чоран советовал уйти во внутреннюю эмиграцию: «Что им мешает вести параллельное существование? Вас не устраивает, что говорит Гитлер? Займитесь древнеегипетским искусством. Вам не нравится жестокость и яростный пафос Геринга? Не забыли ли вы, что Бетховен сочинял симфонии? Вас раздражает придание жизни единообразия? Читайте русские романы. Вас возмущает политизация? Что ж, изучайте искусство Воз-

рождения». «Трагедия кучки индивидуумов не только вполне переносима и поддается излечению; она даже не интересуется государством».

«В сегодняшнем мире нет политика, который внушал бы мне большую симпатию и уважение, чем Гитлер, – писал Чоран. – Мистика фюрера в Германии полностью объяснима... Его выступления проникнуты пафосом и пылом, который можно услышать только в речи пророка... Достоинство Гитлера состоит в том, что он подавил критический дух нации... Он пробудил пламенные страсти в области политической борьбы и в мессианском порыве внес дыхание во многие ценности, которые демократический рационализм делал пошлыми и тривиальными». Эмиль Чоран восхищался деятельностью «Гитлерюгенда», сравнивая её с властью, которая «оставила румынскую молодежь гибнуть в бесплодном духовном смятении, уничтожила и растоптала ее». Румынский писатель убеждал, что тотальный кризис можно преодолеть не одной «духовной революцией», к чему призывал персоналист Эммануэль Мунье, – но решительным «варварством, способным смести всё это убожество взрывом энергии и силы».

Значительное влияние на Чорана оказал Людвиг Клагес /1872-1956/, покровительствовавший молодому ученому. Чоран слушал его лекции в 1933г. в Берлине. «Клагес – самый совершенный человек из всех, кого мне доводилось встречать», – сказал он о немецком философе. Уроженец Женевы, Клагес был приглашен в Берлин для чтения лекций. Психолог-теоретик, основатель Немецкого общества графологии, он получил признание уже в Веймарской республике. – За фундаментальный 3-х томный труд «Противоречие духа и души» Клагесу вручили высшую награду в области культуры – медаль Гёте. – /Несамостоятельные, склонные к компиляциям идеологи Франкфуртской школы: Хабермас, Адорно, Хоркхаймер, переняли некоторые антропологические и гносеологические идеи Клагеса/. Ширах стремился сделать Клагеса официальным философом Рейха. Лекции ученого в Берлинском университете пользовались огромным успехом. Главный вывод его философии: способность человеческого духа отдалиться от реальности путем размышления является отклонением от нормального жизненного процесса. Людвиг Клагес был известен своим антисемитизмом, носившим теоретический характер. Он относил евреев к самому негативному аспекту своей метафизики – к сфере духа. В Рейхе пользовалась известностью его научно-популярная работа «Ариец создает мир, еврей его захватывает» /«Der Arier schafft, der Jude verschafft sich die Welt»/. В другом сочинении Клагес писал: «Всё человеческое для еврея – тяжкий груз. Их человеческая внешность – лишь маска. Нельзя даже сказать, что еврей обманывает: он – воплощение обмана. Здесь мы приближаемся к самой сути нашего открытия: еврей – не человек!».

Двусмысленное положение Клагеса в Германии объяснялось его упреками национал-социализму в государственности, порожденной излишним преклонением перед идеей силы. Эмиль Чоран, в целом разделявший эту идею, предпочитал, однако, национал-социализм итальянскому фашизму, при котором доминировало государство, а не народ. Но он отмечал избыточные, по его мнению, биологизм и этничность /«приземленность»/ национал-социалистической идеологии.

Двухгодичный срок пребывания Чорана в Германии по стипендии из фонда Гумбольдта завершился летом 1935г. и он вернулся в Румынию, где провел следующие два года. Несколько месяцев в 1936г. Чоран служил в армии солдатом-артиллеристом, затем год преподавал в лицее Брашова. Затем, получив стипендию от Французского культурного института, он жил в Париже с конца 1937 до осени 1940г. Там писатель стал знаменитостью благодаря пронацистским выступлениям, широко комментировавшимся правой и левой печатью. Во Франции Чоран сблизился с рядом крайне правых политиков, ставших во время оккупации страны на сторону немцев. В декабре 1937г. он писал из Парижа Элиаде о бывшем лидере коммунистов, организаторе профашистской Народной французской партии: «Жак Дорио – лучший из националистов, он обладает настоящими качествами вождя».

В 1936-37 годах Эмиль Чоран написал «Книгу обманов», «Преображение Румынии» и знаменитое эссе «Слёзы и святые», вызвавшее шок в умеренно либеральных кругах, а также опубликовал серию статей в газете «Vremea». Он проповедовал отказ от культуры, «иррациональное самозабвение ради нации», «мистическую групповую солидарность» и волю к захвату власти. С середины 1933 до конца 1940г. Чоран занимал пролегионерскую позицию и даже после смерти Капитана /Кодряну/ воспевал его способность «придать Румынии лицо». Целая глава «Преображения Румынии» уделена интеллигентному, холодному антисемитизму, теоретически обоснованному при помощи продуманной аргументации. Из учеников Нае Ионеску лишь Чоран систематически развивал его идеи о «еврейском духе», доказывая, что у евреев отсутствует чувство истории, и они не могут самореализоваться в политическом плане.

Эмиль Чоран с подозрением относился ко всем основным этническим меньшинствам Румынии – обладателям статуса граждан страны, включая румынских немцев – саксонцев, поселившихся в стране в XII в., и швабов – в XVII в. Чоран с подозрением относился к саксонцам, имевшим более высокий культурно-исторический уровень, чем местное население, но говорил, что «10 млн. саксонцев менее опасны для нас, чем 1,5 млн. евреев». Однако в 1936г. он писал, что национализм не должен ограничиваться антисемитизмом. – «Антисемитизм сам по себе не решает никаких национальных и социальных проблем. Это очи-

стительное действие, и ничто иное». Чоран также призывал не щадить румынских капиталистов за их равнодушие к национальным интересам.

Писатель мыслил категориями, выходящими за пределы временной политической выгоды, утверждая, что борьба против евреев не должна стать предлогом для сохранения крестьянского и православного государства, находящего отраду в воспевании самобытности и народности. Чоран мечтал соединить национальные ценности с достижениями технократической эры. Но он считал, что Румыния не сможет утвердиться на международной арене, пока евреи не будут устранены из её социального тела. «Евреи – единственный народ, не ощущающий своей привязки к конкретному ландшафту», – пояснял свою мысль Чоран. – «На свете нет такого уголка, где бы сформировалась их душа, поэтому во всех странах и на всех континентах они всегда подобны лишь самим себе». «Их кровожадность и агрессивность не помогают приблизиться к разгадке тайны еврейской сути... Венгры ненавидят нас издавна, тогда как ненависть евреев исходит прямо из сердца нашего общества».

«Каждый раз, когда у народа пробуждается самосознание, он неизбежно вступает в конфликт с евреями. Этот конфликт, всегда существовавший между евреями и соответствующим народом в скрытой форме, становится явным в решающий исторический момент, на скрещении путей, выводящих евреев за сферу жизни нации. Более того, существуют исторические моменты, когда евреи неизбежно становятся предателями... Причина их неперемного сопротивления пробуждению национального самосознания кроется в специфической структуре их духа и в естественных политических ориентациях». «Тот еврей, который признался мне, что ему совершенно безразлично, утратит ли Румыния Трансильванию, откровенно выразил, очевидно, общее, хотя и намеренно скрываемое настроение всех евреев», – завершал Чоран свои размышления.

Применительно к Румынии он заметил: «Если количество евреев не превышает дозы яда, необходимой организму, их присутствие можно терпеть с сожалением или даже с равнодушной симпатией». Однако в Румынии – иное, писал Чоран и ответственность за это несут политические элиты межвоенного периода, состоящие из «идиотов» и «дегенератов». Он доказывал, что евреев в гораздо большей степени следует отождествлять с демократией, чем с большевизмом: «Они нигде не чувствуют себя лучше, чем в тлетворной демократии... В Румынии евреи захватили рычаги власти и организовали свой подземный капитализм». «Евреи пережили эллинов, древних римлян, переживут они и Запад, ненавидимые и презираемые всеми другими народами, которые, в отличие от них, рождаются и умирают». – «Решение еврейского вопроса в данной стране не уменьшает его сложности в других странах», – писал он. Уже в другую эпоху в книге «Народ одиноких» /1956г/ Чоран утверждал: «Евреи – совершенно другие. Они

и мы произошли от разных обезьян... Еврей – прежде всего еврей, а потом уже человек». – /Свой послевоенный антисемитизм Чоран скрывал за ширмой признания исключительности евреев, которую приписывают себе они сами – И.Б./.

Антисемитизм, культ вождя и насилия, идея национальной революции и ненависть к парламентаризму объединяли писателя с идеологией Железной Гвардии. Однако Чоран не разделял православную религиозность легионеров, её крестьянскую мистику и яростный антибольшевизм. Он противопоставлял Французской революции «византийскую духовность», черты которой усматривал в действиях руководства Советской страны. Восхищаясь происходящим в России, Чоран одновременно упрекал большевистскую революцию за материализм, но признавал за коммунистами футуристическое мессианство и внимание к социальным проблемам. Однако динамизм советской внешней политики вызывал у него опасения. «Большевистские идеи неизбежно превратят нас в русскую колонию», – писал Чоран. Основная идея «Преображения Румынии» – коллективизм в сочетании с национализмом. Его симпатии в тот период распределялись между национал-социализмом и национал-большевизмом.

Мирча Элиаде придавал событиям смысл, возвышавшийся над текущими политическими целями: «Мы выполняем задачу создания новой румынской аристократии», – указав на её важнейшие качества – «дисциплину и послушание». Он говорил о «поощрении мужества в целях естественного отбора, который может быть произведен лишь на полях сражений». Элиаде призывал к «возрождению румынского Средневековья, осознанию исторической миссии, гордости, мужественности, к презрению и безразличию к бессильным, к сволочам, к тем, кто считает себя хитрецами». Ученый ставил задачу «делать историю при помощи надысторических ценностей». Прибегая к протоистории, он доказывал, что румынское христианство – космическое, примитивное или аграрное – противопоставит «историческому иудео-христианству», представляя собой самобытную, органическую и универсальную религиозную форму.

В предисловии к первому тому своей «Истории верований и религиозных идей» /1976г./ Мирча Элиаде ссылался на свои лекции в Бухарестском университете 1934-38гг. Значительное место в книге занял тезис о смертельном ударе по традиционным формам «космической религии» со стороны пророков Израиля. Эта эволюция, согласно ученому, не затронула крестьянства, оставшегося верным космическому христианству. Он и в 70-е гг. отыскивал /exhumer/ исходную форму христианства, очищенную от следов иудаизма.

Испытывая интерес к [расологии](#), Элиаде понимал под «протоисторией» «колыбель расы, которая ставит нас в равное положение с германскими и романскими народами». Его интерес к расологии усилился после неоднократного посещения

Берлина в 1934 и 36 годах. Он писал: «Цель исследования рас – очертить контуры, разложить на элементы, выйти из этнического «хаоса». Изучение рас, по его мнению, следует сделать обязательной дисциплиной. На этот поворот от «масонской ментальности» Элиаде настаивал с 1933г. – В это время Франц Боас выступил во главе большей части американских специалистов против предлагаемых расологией идей, без научного обоснования настаивая на решающем значении воздействия внешней среды в формировании сознания.

В конце 30-х годов в Бухаресте при посредничестве Элиаде встречались З.К. Кодряну и Юлиус Эвола.¹ Эвола, вступивший в 1940г. в СС, превозносил способности убитого Капитана «преодолевать обстоятельства, возвращая волю к национально-политическому обновлению и к ее подлинным духовным истокам». Румынский ученый восхищался «интеллектом знаменитого итальянца и особенно плотностью его прозы». Эвола же принял участие в популяризации имени Элиаде в европейском масштабе.

Уникальный вклад в распространение румынских идей в Европе внес руководитель действовавшего долгое время в Румынии Французского института научных исследований, историк Альфонс Дюпрон. Этот добрый гений Элиаде и Чорана сыграл немалую роль в судьбе обоих. С его помощью ученые надолго обосновались за границей. Перед оседанием в Европе Мирча Элиаде, отставленный от преподавания в Бухарестском университете, попытался выехать в США, но знаменитый индолог Ананду Кумарасвами написал ему, что американские университеты уже переполнены беженцами из Европы – либеральными гуманитариями, среди которых оказалось множество евреев. – Трудно было представить Элиаде преподающим в одном ряду с Ханой Арендт, Томасом Манном и Маркузе.

Тогда румынский ученый сосредоточился на своем журнале религиозных исследований «Залмоксис», который он хотел сделать международным. Первый номер журнала был выпущен в Париже востоковедческим издательством Поля Гётнера. К огорчению Элиаде выпуск критиковал «один из самых умных людей нашего века» и «замечательный оккультист» Рене Генон за перегруженность фактами в ущерб выводам. Один из еврейских «спутников» ученого – М. Себастьян писал тогда: «Взгляды Мирчи Элиаде германофильские как никогда, франкофобские и антисемитские как никогда». – Описывая сопротивление поляков немецкому завоеванию, Элиаде отмечал особую роль в нем евреев: «Одни жида способны использовать детей и женщин в целях шантажа, поставив их в первые ряды обороняющихся: они играют на немецкой совестливости». – «В Румынии же немцы заинтересованы в том, чтобы ничего не разру-

¹ Встреча произошла весной 1936 г. в Зеленом доме Железной гвардии. Читайте: [Юлиус Эвола. Моя встреча с Кодряну \[Прим. ред.\]](#).

шать. Наше спасение – в прогерманском курсе!». Элиаде говорил, что в фашизме его привлекали «духовное возрождение и христианская революция – аскетичная и мужественная».

В конце 1938г. за границу отправился Эжен Ионеско, неизменно пользовавшийся благосклонностью румынских властей, несмотря на все перемены /!/. Он получил стипендию для написания диссертации о чувстве смерти и греха во французской литературе после Бодлера. Она, однако, так и не была написана из-за недостатка эрудиции у этого тенденциозного очеркиста. Но стипендия позволила Ионеско вести вольную жизнь в Париже до весны 1940г. Его опубликованные заметки той поры были созвучны записям в Дневнике, который подпольно вел в III Рейхе еврейский журналист Виктор Клемперер /1881-1960/. Оба преклонялись перед веком Просвещения и перед Францией. Это была ностальгия по исчезавшей на глазах эпохе либерализма.

Константин Нойка, сегодня имеющий репутацию одного из ведущих румынских философов, в отличие от многих, не уехал тогда на Запад. В 1940г. он стал редактором официальной газеты легионеров «Bune Vestire». Здесь Нойка постоянно призывал к «добру и совершенствованию». Философия Легионерского движения разрабатывалась в рамках основанной в октябре 1941г. научной Ассоциации изучения и пропагандирования творчества Нае Ионеску. Она включала около 60 молодых философов и 21 члена-основателя, в т.ч. К. Нойку и Мирчу Вулканеску. – Многие интеллигенты продолжали исповедовать прежние убеждения и после подавления легионерского мятежа в январе 1941г.

Эжен Ионеско «с ужасом и растерянностью наблюдал это стремление растворить личность в коллективе, в нации, в расе» /!/. Позднее он писал в том же индивидуалистическом духе: «Человечества не существует. Существуют люди... Для носорога /так он назвал носителей национальных идей – И.Б./ дело обстоит по-другому. Мне представляется фантастическим государство, а ему – конкретная личность». – Ионеско унаследовал мистическую традицию принижения «рационализма», наряду с другими еврейскими писателями: Кафкой, Музилом и З. Каркауэром. «Обезличенное царство коллектива» критиковали другие персоны из этого же ряда: Герман Брох, Йозеф Рот, Л. Колаковски, Т. Масарик, Ян Паточка – интернациональные представители европейских государств. Э. Ионеско выразил общий космополитизм этих лиц формулой в своем стиле: «Носорожий лозунг – всё для государства, всё для нации, всё для расы».

Под влиянием лидера модернистов, критика Э. Ловинеску /1881-1943/ Ионеско требовал от румын отказа от национальной специфики и морали и вестернизации культуры. «Мы не должны начинать с того, что мы румыны. Нужно, прежде всего, быть немного англичанами, французами и т.п. Для нас культура – необ-

ходимо предполагает обыностранивание, лишение корней», – внушал он. В таком же стиле Ян Паточка /1907-77/ критиковал современную чешскую культуру за ее национальную окраску. «Абстрактное понятие румынства» Э. Ионеско противопоставлял идеям Мирчи Элиаде. Его единомышленник М. Себастьян настаивал: «Национальная специфика – это сваливание в кучу всех общих мест. И тогда уровень национальной специфики одновременно является и уровнем пошлости».

Где бы ни появлялся Эжен Ионеско, объектом его критики становились все национальные течения. Во Франции он поносил «Аксьон франсез». В Париже Ионеско открыл для себя Эммануэля Мунье, перетолковав его философию на свой лад. Для Ионеско персонализм заключался в неограниченной личной свободе, которую он впоследствии соотносил с еврейским комплексом исключительности. Но персонализм Мунье, напротив, открывался множеству родственных душ и содержал скрытую тягу к их объединению, т.е. не был безнадежно индивидуалистичен. Французский философ сомневался в ценности итальянского фашизма и немецкого расизма, /испытывая к ним полускрытое восхищение/, но его привлекало полное отрицание буржуазно-либерального мира, которое исповедовали обе эти радикальные идеологии. Э. Мунье искал середину между индивидуализмом и коллективизмом. В Париже он руководил группой «Эспри», продолжавшей действовать и после оккупации Франции. В отличие от Ионеско, очарованного «культурой» торгашей и спекулянтов, Мунье присматривался к борьбе мужественных элит, вдохновленных высшим смыслом самопожертвования, и благодаря своей энергии, способных ускорить гибель торгашеского и продажного мира. Не случайно крупные деятели румынской культуры, оседая во Франции, поддерживали устойчивые связи с независимо мыслящими парижскими интеллектуалами.

В апреле 1940г. Румынию покинул и Мирча Элиаде. Заграничная часть его биографии изобиловала неожиданностями. Румынский министр пропаганды Джуреску отправил его культурным атташе в Лондон, где он находился под пристальным вниманием властей за симпатии к легионерам. По данным министерства внутренних дел Англии ученый фактически направлял действия румынского посольства. В феврале 1941г., после разрыва отношений между двумя странами он получил назначение в Португалию, став в сентябре 1942г. главным советником по печати в посольстве Румынии. Здесь он оказался в родственной среде. В португальском режиме Элиаде усмотрел «христианскую форму тоталитаризма». – Диктатура в Португалии была установлена в конце мая 1930г. Антонио Салазар смог постепенно и эффективно ликвидировать «последние дегенеративные пережитки либерально-демократического духа», создав унитарное государство. Исключительно действенная португальская полиция, гигантский размах общественных мероприятий, полувоенная молодежная организация,

добровольческая антикоммунистическая милиция «Португальский легион» – всё это предвосхищало будущие революционные преобразования в Германии.

Режим Салазара воплотил, по мнению, Элиаде, «сообщество любви» в духе Нае Ионеско, где в центре общества оказалась семья, а экономика построена по принципу корпораций, которые румынский ученый называл органическими социальными коллективами. Элиаде «околдовала» салазаровская модель, как и французских крайне правых, а впоследствии часть вишистских элит, начиная с маршала Петэна. В свою очередь, радикальная португальская партия «Интегрализмо Лузитано» взяла за образец для своих действий «Аксьон Франсез». В длинном эссе от 05.02.42г. Элиаде ополчился против демократии и «недавнего стремления масонской Франции возглавить другие латинские нации». Он уточнял, что «демократическую и универсалистскую Францию не следует путать с реальной Францией – национальной и христианской», которая существовала всегда, но в новое время – в урезанном виде.

С осени 1941г. Мирча Элиаде работал над книгой о Салазаре и его «христианской революции». Книга, содержащая солидный исторический анализ и элементы художественности, была прекрасно принята общественностью страны. «В Португалии франкмасонское движение с момента своего создания в XVIII веке было на стороне революции – против традиции, на стороне узурпаторов – против законного короля, на стороне иностранцев – против националистов», – писал Элиаде, представляя масонство, каким оно было во все времена. Он создал в книге собирательный образ еврейского банкира XIX в. Медизабала, который, «как всякий добрый еврей, умело сочетал энтузиазм и расчет, не подвергая опасности свой капитал ради своих идей». Ещё один злодей в книге – Афонсу Кошта – один из главных деятелей республиканской революции 1910г. – «еврей, законник, хороший диалектик, он предпочитал действовать путем закулисных интриг. Оппортунист, трус, аморальный человек, он жаждал лишь одного – власти... Кошта снюхался еще с одним семитским великим вождем революции – Герра Хункейро». В июле 1942г. Элиаде встречался с Салазаром, произведшим на него большое впечатление. В Португалии он подружился с сыном Д. Джентиле – вторым лицом в итальянском посольстве, встречался с Ортегой-и-Гассетом и Эухенио д'Орсом, высоко оценив обоих философов.

Мирча Элиаде внимательно следил за мировыми событиями. Он приветствовал нападение на СССР, веря в победу III Рейха, и бурно переживал каждый успех союзников. В 1943г. ученый выпустил в Лиссабоне и Мадриде работу геополитического характера, в которой война с СССР названа «защитой христианских ценностей от евразийского мистицизма» /!/. Непрестанно упоминая о своем «военном долге», и называя «трагедией» Сталинград, Элиаде ощущал свою растущую изоляцию в 1942-43гг. Он комментировал и жизнь в Румынии. О со-

бытиях в июне 1941г. в Яссах, где из 100 тыс. жителей 50 тыс. были евреи /!/, Элиаде записал в Португальском дневнике: «убиты несколько десятков жидо-большевиков» /тенденциозные западные газеты писали о 10 тысячах убитых/. Маршал Антонеску, называвший евреев «язвой человечества», не вмешивался в события, организованные Секретной службой информации Румынии совместно с германскими службами. Осенью 1942г. под воздействием еврейской общины Румынии /!/, короля Михая и ряда политических деятелей страны были отменены планы депортации румынских евреев в Восточную Европу.

Между тем Элиаде продолжил серию встреч с видными консерваторами Германии. В августе 1942г. он впервые встретился с Карлом Шмиттом по рекомендации пронацистского Румынского института в Германии, руководимого бывшим видным легионером Секстилем Пускарю. После этого они обменивались письмами. Румынский ученый преподнес Шмитту и Эрнсту Юнгеру номера своего журнала «Залмоксис». – Творческие контакты с Юнгером продолжились после войны, в 1969-72г. Они вместе издавали в Штутгарте журнал «Антайос».

Январь 1943г. Мирча Элиаде провел в Виши /свободную от оккупации французскую зону/, где заподозрил режим в послаблении коммунистам: «Франция, быть может, обезображена коммунизмом». В ноябре по согласованию с генштабом оккупационных войск он посетил Париж. Незадолго до этого союзники высадились в Африке, а Италия вышла из войны на стороне Германии. В Париже Элиаде встречался с писателем Полем Мораном, историком культуры Жоржем Дюмезилем и драматургом Жаном Кокто. В беседе с одним из них он назвал грядущий «англо-американский порядок» угрозой для всей Европы. Его угнетал «страх разрушения Европы и появления нового мира, с моей точки зрения совершенно не интересного». Элиаде ввел в политическую терминологию понятие «космической катастрофы». В июле 1944г. он сравнивал войну с «потопом». – /Карл Шмитт считал, что евреи ускоряют приход Апокалипсиса/.

Летом 1943г. Элиаде обнаружил со стороны Румынии поразительное стремление к войне не до победного конца и впал в ярость, узнав о попытках правительства установить отношения с союзниками. «Будь фюрер моряком, – говорил ученый, – история Европы пошла бы другим путем... Тогда фюреру удалось бы покончить с Англией еще летом 1940г... Но вместо этого теперь англо-американцы попытаются захватить Европу». В августе 1943г. в Румынии произошел переворот, совершенный коалицией правых монархистов, либерал-демократов, национально-крестьянской партии и левых /социалисты и коммунисты/.

Отставка Элиаде последовала в ноябре следующего года и побудила его целиком отдаться научному творчеству. В это время он готовил «Трактат по истории

религии» /издан в 1949г. в Париже издательством Пайо с предисловием Дюме-зиля/ и начал работать над «Мифом о вечном возвращении» /тогда же вышел в издательстве «Галлимар/. В апреле ученый писал о себе: «Мирчу Элиаде при-несли в жертву, а сколько педерастов, ущербных, беспозвоночных сегодня уже нашли работу». Он указал на «странное франкмассонство новой элиты». Элиаде, которого новые власти безуспешно вызывали в Румынию, решил остаться на Западе, так как шло разграбление его родины Советами, запреты авторов и т.п. В Румынии свирепствовала еврейская коммунистка, сторонница Москвы Анна Паукер, после Октябрьского переворота в России наводившая ужас на русское население. – В конце 1947г. эта группа захватила власть в Румынии, фактиче-ски перехватив политические инициативы у коренных румын – Георгиу-Дежа и Лукрециу Партаскану.

До февраля 1941г. в Румынии жил Эмиль Чоран, поддерживая вождя легионе-ров Хоря Симу – преемника Кодряну и заместителя главы правящего Совета Ан-тонеску. Писатель воспевал падение Франции: «Париж пал, потому что должен был пасть. Город сам себя предложил оккупантам». В рукописи «О Франции» /1941/ Чоран противопоставлял «анемию» этого государства, где господствова-ла абстрактная культура, – витальности славян и немцев. Он отвергал демокра-тию, «скомпрометированную принципиальной бесполезностью революции 1789г. и её последствиями». Несколько месяцев Чоран занимал пост советника по культуре в румынском посольстве в Виши, а затем перебрался в Париж, до 1944г. продлевая стипендию для иностранцев.

Смена режима в 1940г. привела к антисемитским выступлениям в Румынии. К евреям применяли всё новые меры: исключали из последних профессиональных корпораций, бойкотировали еврейские лавки, производили аресты подозри-тельных лиц, отправляя евреев на общественные работы /легионеры работали добровольно!/. Антонеску окончательно запретил евреям пребывание на госу-дарственной службе и в вооруженных силах, а также занятия свободными про-фессиями. Им не разрешалось заниматься торговлей в сельской местности из-за угрозы спаивания крестьян, быть собственниками издательств и членами спор-тивных обществ, занимать должности в печати и кино. Иудеев приравнивали к евреям, принявшим христианство. Их юридический статус определялся с учетом расового критерия. Декретом 05.10.40г. евреем предписывалось считать всяко-го, один из родителей которого был еврей. Жизнь, однако, опровергала пропа-гандистские спекуляции Запада. В 1943г. румынские дипломаты получили ука-зание принять под защиту в с е х граждан Румынии в европейских странах, включая Германию /!/. В результате прекратились аресты и депортации евреев, подозревавшихся в антигерманских настроениях, /всего было депортировано несколько сот лиц/.

Летом 1942г. Эжен Ионеско с помощью друзей из разных министерств в крайне правом правительстве Румынии /!/ попал в румынское посольство в Виши и к середине 1944г. вырос до главного советника по культуре. Тайно в Дневнике кляня порядки в Румынии, он рьяно работал на её правительство и пользовался удивительной свободой передвижения по Франции. Министр пропаганды Румынии покровительствовал Ионеско, пробывшего на дипломатической службе гораздо дольше Чорана и отозванного только 01.10.45г. /!/. На своем посту он зарекомендовал себя беспринципным и, в отличие от Чорана, – малокомпетентным специалистом. С омерзением отзываясь о работниках посольства, Ионеско выполнял работу, за которую другие впоследствии попали в разряд коллаборационистов. Среди прочего были «мероприятия по сотрудничеству» /сближение Франции с Румынией/, «индивидуально проведенные мероприятия» /переводы, кинопропаганда и пр./. Особый характер носили организованные им контакты с крайне правыми изданиями. Сюда попали: пропетеновский журнал «французского возрождения» «Конфлюанс» – рупор петеновского режима; католический еженедельник «Демэн» /главный редактор Жан де Фабрег/ и др. Ионеско поддерживал связи с откровенно сочувствовавшим Германии писателем Жаном Поланом.

В 1943-44гг. Эжен Ионеско вел обзор французской печати. Его «объективность» обернулась соглашательством. В таком духе он провел дискуссию с другом ведущего прогерманского политика Марселя Деа, депутатом Полем Ривом – редактором коллаборационистской газеты «Ль Эффор», в которой публиковались два десятка парламентариев. Ионеско взял интервью у крайне правого ученого Жана Ривена, /в 1945г. Франсуа Мориак и лобби Сопротивления провалили кандидатуру Ривена на место Анри Бергсона во Французской академии/. Верхом приспособленчества Ионеско стали его усилия по созданию румынского научно-исследовательского журнала, который бы регулярно информировал французскую интеллигенцию о «национальных истинах румынской нации, о наших исторических и культурных достижениях и ценностях румынской цивилизации». Всё это совершенно не соответствовало отвращению Ионеско к этническо-национальным идеям. После войны он мечтал о Румынии, «свободной от демонов национализма», в которой ему «хотелось играть значимую роль».

В отличие от Эжена Ионеско искренняя лояльность к немецким властям отличала Эмила Чорана. В 1940-44г. он составлял во Франции «Требник побежденных». В нем, как и в работе «О Франции» /1941г./, румынский писатель называл Францию «усталой страной в агонии, логическим завершением которой явилась немецкая оккупация». Чоран публиковал свои статьи в коллаборационистском еженедельнике «Сотоедиа», возобновившем выпуск в июне 1941г. с согласия и под контролем Немецкого института при посольстве Рейха с целью способствовать франко-германскому сотрудничеству в области культуры. В ста-

тье «Ностальгия» он ставил задачу восстановления равновесия между восточным избытком души и западным избытком ума, выпавшую, по его мнению, на долю Великого Рейха. В выводах писателя содержалось отвращение и ненависть к идее прогресса. Подобные мысли Эмиль Чоран культивировал и в последующих работах, включая послевоенное время.

«Сомоедиа» помещала многочисленные прогерманские статьи, но литературная страница оставалась политически неангажированной. Ряд писателей, в том числе Ф. Мориак, отказывались сотрудничать с журналом, но там печатались такие авторы, как Жан Полан и Сартр /его еврейская национальность не вызывала подозрений у новой власти!/. «Сомоедиа» стала главным местом публикации авторов престижного издательства «Галлимар», не сотрудничавших с немцами в области идеологии. – Яркие коллаборационисты группировались вокруг изданий, подобных «Же суй парту» и «Ла Жерб».

С окончанием войны в биографиях знаменитых румын произошли решительные перемены. Мирча Элиаде первое время жил на авансы от издательств «Галлимар» и «Пайо», а в конце 1948г. получил временную работу в ЮНЕСКО, затем – американскую стипендию. Десять лет он провел среди неудобств в дешевых отелях, в то время как Эжен Ионеско жил в комфортабельной квартире в центре Парижа. В 1948г. множество легионеров из Германии перебрались в Париж. Румыны во Франции, отказавшиеся вернуться в свою страну, создавали политические организации, издавали журналы. Эмигрантов объединяла ненависть к коммунизму. Элиаде находился в эпицентре этого движения. Его собрания посещали наряду с «правыми» также политики, близкие к либеральной и национально-крестьянской партиям. Активно работали румынские националисты: писатель К.В. Георгиу; Василе Постейко – автор «Эксгумации Капитана» /1977г., Мадрид, изд-во «Легионерское движение»/; П.К. Деляну, еще в 1950г. носивший знаки отличия Железной Гвардии».

Эти лица сформировали в ноябре 1949г. Румынский центр научных исследований, пост почетного председателя в котором планировали предложить Хайдеггеру, Ортеге-и-Гассету или Эухенио д'Орсу. Был организован румынский эмигрантский университет. Элиаде открыл литобъединение, которое посещал Чоран, тогда как их еврейские знакомые держались особняком. Одним из мест встречи эмигрантов была церковь, где Элиаде, правые радикалы и бывшие почитатели Кодряну праздновали православную Пасху. Чоран также участвовал в деятельности эмигрантских групп, хотя и без повышенного энтузиазма. Он называл румын, осевших во Франции, интриганами и разносчиками слухов. После 1947г. Чоран написал «Краткий курс расчленения», в спокойном стиле по отношению к внимательно наблюдаемым переменам в Румынии.

Мирча Элиаде в статье «Судьба румынской культуры» /1953г./, порицая «оккупацию румынской территории Советами», указывал на опасность «стерилизации духовного творчества вследствие систематического уничтожения элит и разрыва органических связей с нашими самобытными национальными традициями». Его возмущали не «нарушения прав человека» /это понятие по-прежнему вызывало у него омерзение/, но – появление произведений культуры, утративших национальную форму. «Как румын, я не боюсь ни социализма, ни коммунизма... При социализме нам терять нечего. Но мы потеряем всё в результате русификации», – писал Элиаде. В этой статье он возмущался утратой памяти о писателях-националистах: Эминеску, Хасдею, Парвану, а из более поздних – о Нае Ионеску и Луциане Благе, «которым удалось повысить значимость культуры, возникшей на основе соединения фракийской и римской традиций». Ученый продолжал считать, что европейскую культуру нельзя влить в «западные формы», понимая под ними идеологию, чуждую традициям континента.

По-иному вел себя Эжен Ионеско. В конце 1945г., кляня «румынских фашистов», называя Элиаде «самым виновным из всех», он тогда же встречался с обоими румынскими идеологами, а Чорана представлял как «самого дорогого друга». Казалось, Ионеско «прислонялся» к их растущему европейскому авторитету, не в состоянии преодолеть своей слабой натурой влияние их сильных характеров. Позднее ему понадобилось оттолкнуться от этих личностей, в попытке встать с ними вровень. До 1950г. Ионеско боялся оказаться в мучительной изоляции. Апологетически настроенная к нему А. Ленель-Лавастин объяснила это состояние «вечно беспокойной совестью, вызывавшей постоянную неуверенность в своей правоте».

До конца 40-х годов Ионеско переводил на французский язык разнообразных авторов, отдавая предпочтение законодателям декадентских вкусов. Например, он долго навязывал издательству «Галлимар» поэта Урмуза – одного из предшественников сюрреализма /проект провалил авторитетный Тристан Тсара/. Политические метаморфозы сопутствовали Ионеско. Отозванный в октябре 1945г. из состава румынской дипломатической миссии, он хлопотал, чтобы его оставили в ней румынские коммунисты – /«здесь меня ценят в левых кругах»/. В этот период Ионеско предпочитал печататься в коммунистическом еженедельнике «Аксон». Позднее он превратился в яростного антикоммуниста. Де Голля он называл «реакционером».

В 1945-47гг. Ионеско, по его словам, «отчаялся стать писателем», но периодически публиковал злобные опусы в адрес своей родины. Так, он умудрился поместить в «Vita Romaneasca» – ежемесячнике М. Раля – министра по делам религий и искусства в правительстве Петру Гроза /!/ – погромную статью о Румынии. Он писал в ней в откровенно неотроцкистском духе: «Революционное дей-

ствие может победить зло в политике... Совершенно необходимо вырвать националистическую идею с корнем. Румыния больна национализмом. Он полностью заразил румынскую культуру, румынскую душу. Речь идет о самом страшном моральном раке, излечить от которого может только скальпель хирурга». Национальную самобытность этот неизлечимый космополит поставил в ряд с Германией Гитлера. «Самыми гнусными порождениями румынской нации» Ионеско назвал армию, полицию, «буржуазные магистраты», дипломатическую касту, духовенство. Румынский офицер был назван «уродливой, безумной, дурной и злобной бабой». В легионере он нашел «скотство офицера, глупость магистрата, бестолковость проститутки, невежество, нетерпимость и мистику православного священника». Министерство обороны Румынии отреагировало с гневом на поношение армии. Тогда левые друзья в испуге отшатнулись от Ионеско. Затем военный трибунал заочно приговорил его к десяти годам тюрьмы за коллаборационизм и очернение армии и нации.

Мирчу Элиаде и Эмила Чорана Европа встретила с осознанием их истинного значения. В 1949г. Морис Надо восхвалял Чорана, как «нового пророка концентрационной эпохи», а Жорж Дюмезиль в предисловии к «Трактату по истории религии» Элиаде /1999г., Париж/ назвал ученого «апостолом нового гуманизма» и «пламенным эрудитом». В это время во Франции происходили непрерывные чистки заподозренных в коллаборационизме лиц /под этим предлогом многие сводили счеты со своим личными врагами/. В Германии было то же самое. Философ Карл Ясперс в 1948г. переиздал в Париже свою книгу «Немецкая вина», где приписал моральную вину всем, кто «знали или смогли узнать, и, несмотря на это, вступили на путь, который, будучи подвергнут суду совести, оказывался преступно ошибочным». Ясперс упомянул в этой связи «частичное одобрение национал-социализма, а также – «компромиссы и моральную поддержку по отдельным случаям» /двусмысленность в поведении этот ученый проявлял и при режиме национал-социалистов/.

В противоположность этим уничижительным самооценкам Элиаде и Чоран не испытывали никаких «угрызений», но естественно старались избежать неприятностей. Резкий поворот в истории Европы, связанный с исходом Второй мировой войны, не изменил коренных убеждений обоих ученых, лишь придав им замаскированный вид. Приспособившись к послевоенной атмосфере, они подспудно, но с «прорывами» в творчестве жили в кругу прежних идей и убеждений. В 1947г. Чоран в частном письме отказывался дать оценку своим идеологическим пристрастиям и антисемитизму 1930-х годов, не испытывая, как он пишет, «ни презрения, ни сожаления». В «Тетрадах» /1963г./ он повторил, что «не сожалеет о своих прошлых «ошибках». Сожалеть – означало бы растоптать мою молодость, а этого я не хотел бы ни за что на свете». Подобно Элиаде и Карлу Юнгу, Чоран не принимал упреков. Он говорил не о своем чувстве вины,

а о «комическом, бесполезном и иллюзорном» аспектах прошлого. Этот мотив прозвучал в предисловии румынского писателя к эссе Поля Гиро «Кодряну и Железная Гвардия» /1949г./, переизданного Морисом Бардешом в 1969г. в его «Неизвестных вариантах фашизма». В конце 1970-х Чоран писал: «Сущность мышления на самом деле меняется мало; метаморфозы могут претерпевать только обороты, формы, ритм». Румынских творцов пронизывало сознание того, что трагические события 1939-45 и последующих годов разрешились не в пользу европейцев.

Новые времена неумолимо наступали на прошлое. Характерная ситуация сложилась вокруг К.В. Георгиу – автора романа «Двадцать пятый час». В 1950-е годы он был одним из самых знаменитых авторов-антикоммунистов. Его выступления в Сорбонне собирали огромную аудиторию, в то время как Томас Манн выступал в полупустых залах. До публикации романа в 1949г. Георгиу активно участвовал в группе Элиаде. Он был яростным легионером, публиковавшим в годы войны насыщенные антисемитизмом популярные репортажи с Восточного фронта /«Горят берега Днестра»/. Его воспоминания неоднократно переиздавались во Франции издательством «Плон», представившим автора «очевидцем великой трагедии XX века». В конце войны Георгиу оказался в американском лагере за свою дипломатическую деятельность в усташистской Хорватии Анте Павелича, но вскоре вышел на свободу.

У Мирчи Элиаде в 1946г. также возникли первые трудности в Сорбонне. В следующем году ему дважды отказали во вступлении в Национальный центр научных исследований Франции /НЦНИ/ из-за политических взглядов в 30-40-е годы. Этим отказом возмущались крупные профессора: Луи Рену, Дюмезиль, Поль Массон-Урсель, Анри-Шарль Пюш. Люсьен Февр и Габриель Ле Бра пытались опротестовать решения в дирекции НЦНИ. Но ничего не удалось сделать. Сопротивление вдохновил новый румынский посол во Франции С. Стоклов. Еще большее давление оказал профессор К. Маринеску, историк-медиевист, когда-то тесно сотрудничавший с Николае Йоргой, убитым в 1940г. Железной Гвардией. Известный западник, работавший тогда в НЦНИ, Маринеску направил руководству Центра длинное письмо с подробным изложением антисемитских, ксенофобских и легионерских взглядов Элиаде в 1930-е годы.

Но румынский ученый сохранил старые связи. В конце 40-х годов он посетил в Италии полуопального Ю. Эволу. Однако ситуация подталкивала Мирчу Элиаде к поиску контактов с общественным мнением. С 1950г. участвовал во Встречах Эраноса в Асконе, познакомившись там с Карлом Юнгом. – Это был международный форум, где консерваторы и «нонконформисты» разных направлений вели диалоги и вырабатывали «сближение» с активным участием еврейских радикалов, среди которых объявились новые «друзья» Элиаде – Цви Вербловски и

Гершом Шодем. Уже в 1950г. ученый читал лекции в Сорбонне. Жан Валь, пригласивший во Францию Мартина Хайдеггера, предложил Элиаде организовать цикл лекций по мифологии в Колледже философии. Его книги теперь пользовались успехом. 1950 год проходил под знаком конференций и международных конгрессов. Расширение контактов и связей приносило результаты. В 1951г. Мирча Элиаде по рекомендации Анри Корбена получил трехлетнюю стипендию американского фонда Биллингтона, открывшую новые возможности для научной деятельности. В последующие годы ученый выступал в различных европейских университетах, главным образом в Италии и Германии /Мюнхен, Франкфурт, Марбург.../. В 1955г. его коллега Иоахим Вах предложил кандидатуру Элиаде для чтения престижных Хаскелловских лекций в университете Чикаго на 1956-57 годы. С этим пришло громкое международное признание.

Вслед за изменениями в послевоенном научном мире Элиаде переосмыслил ряд своих традиционных тем. Имманентно трагическая история для него, как и для Чорана, осталась местом упадка и вырождения. Элиаде считал ее царством бессмыслицы и небытия, синонимом мира, утратившего святость, отданного на откуп науке и технике. В посвященном «ужасу истории», программном эссе «Миф о вечном возвращении», написанном в основном в годы войны и опубликованном в 1949г., ученый развенчивал завышенную оценку исторических событий, приведших к «социальному и техническому прогрессу». В этой форме Элиаде выразил сомнение и в результатах Второй мировой войны, как этапе мирового развития. Эмиль Чоран то же унижение истории сводил к Восточной Европе: «Для захваченных и покоренных стран история неизбежно носит демонический характер». – Здесь он затронул тему, модную тогда среди французских культурных кругов, зачитывавшихся Миланом Кундерой, /антикоммунизм в различном смысле разделяли консерваторы и либералы/. Для Чорана это была ниша, в которую он прятал свои радикальные воззрения, описывать которые в полном объеме было уже опасно.

Ионеско же с его укорененной брюзгливостью презирал историю за создание мира, населенного «бешеными баранами». «История – не истина, она, главным образом, ошибка», – писал он без той метафизической глубины, которую придавали этой теме Элиаде и Чоран. Его метания по политическим флангам носили комический характер. В 30-е годы он примыкал к левым, в 60-80-е обличал коммунизм. В определенном смысле Ионеско разделил судьбу отца, последовательно становившегося: демократом, франкмасоном, членом Железной Гвардии, националистом, сталинистом. Его отец считал ошибкой примкнуть к оппозиции, сын – не примыкать к ней. В обоих случаях конъюнктура преобладала над убеждениями. Поведение Ионеско объяснялось поисками громкого успеха на литературном поприще. Его последующая успешная карьера была связана с хлопотами влиятельных друзей.

От Элиаде и Чорана Эжена Ионеско коренным образом разделяло отношение к еврейскому вопросу, продуманные спекуляции на котором стали отличительной чертой послевоенной эпохи. Описывая ситуацию, возникшую после 1945г., известный философ Альбер Камю писал: «Вследствие странной перемены, происшедшей в наше время, невинность принуждена давать объяснения». Он имел в виду вал преследований, которому подвергались люди науки и культуры за свои стойкие убеждения, если они не отвечали духу времени.

Эмиль Чоран после войны скорректировал свое отношение к евреям, сделав упор на антииудаизме. Порой он намекал на свой филосемитизм, избегая обвинений, мешавших его научной работе. В послевоенном труде «Народ одиноких» /1956/ Чоран утверждал, что еврей – «совершенно другой... Быть человеком – это драма; быть евреем – тоже драма, но совершенно другая». Это повторяло на другой лад то, о чем говорил писатель в 1936г.: «Еврей – ни подобный нам, ни ближний наш, потому что любой еврей – прежде всего еврей, а потом уже человек». В 1956г. Чоран одобрял евреев, «сумевших освободиться от тирании ландшафта и от детских глупостей укоренения». – /Двусмысленная похвала – многие антисемиты также предпочитали «неукорененных» евреев – И.Б./.

В «Народе одиноких» он писал о евреях: «Они все время проявляют стремление к обособлению, выказывают высокомерие богов, потому их долгое время считали непосредственным воплощением фанатизма; их корни растут неизвестно из какой почвы, но явно не из нашей; все они религиозны, все инстинктивные революционеры; они бросают вызов нашим критериям; их оружие невидимо; они жадные, пользуются счастьем без угрызений совести и проникают во все отрасли хозяйства и знания. Никто не сравнится с ними в искусстве насмешки. Их характерные свойства – тайна и деньги, жажда власти и господства, а еще – бешенство и эпилепсия; у них есть что-то вроде извращенного благосостояния, а в их длительном существовании проглядывает нечто дьявольское... Отсюда неизбежное трагическое непонимание, за которое никто не несет ответственности».

Одновременно с «Народом одиноких» Эмиль Чоран начал вести свои «Тетради», завершённые в 1972г. Здесь его отношение к евреям претерпело дальнейшую либерализацию, вызванную меняющимся духом времени, но осталось подозрительным и отчужденным. Чоран писал о них: «Склонность к насмешке и саморазрушению; нездоровые навязчивые идеи; агрессивность, меланхолия с большей или меньшей примесью сарказма, склонность к пророчествованию, ощущение, что я – жертва, всегда, даже в минуты счастья». В этой работе писатель придал своим чувствам по отношению к евреям оттенок восхищения, но ясно, что оно относилось к их искусству подчинять себе течение той истории, которую Чоран описывал как «унижение». В «Тетрадах» то и дело прорывается

подлинное отношение к нации, которая сыграла существенную роль в появлении коммунизма. Евреи – не народ, а судьба, и выступают преимущественным воплощением проклятья. Румынские евреи всегда настроены антирумынски, американские – антиамерикански, – заключал Чоран. Новое здесь было в том, что из этого давно открытого им свойства философ осторожно исключал собственную оценку, предлагая читателю самостоятельно сделать выводы.

Мирча Элиаде после войны перенес свою критику евреев из этической плоскости в религиозную, связав её с конечным смыслом так резко осуждаемой им истории. У организаторов Встреч Эраноса, в которых ученый участвовал в 50-60-х годах, выработывался подход к христианству с сильным акцентом на семитскую природу его институтов. В зависимости от отношения к иудаизму это вело к положительной или отрицательной оценке традиционного христианства. В книге «Священное и мирское» Элиаде утверждал, что иудеи, а затем их последователи – иудаизированные христиане, изъяли священное из космоса, способствуя его нейтрализации и упрощению. Разорвав круг вечного возвращения, они ввели новый принцип линейности времени, под которым Элиаде понимал окончательное обеднение истории. – «Примитивные христиане», пройдя через иудаизм, также прониклись линейным пониманием истории. В этом смысле, писал ученый, евреи – изобретатели современного мира /modernité/. Это утверждение вписывается в тезисы Элиаде 1934-44гг., приравнивающие дух еврейства к революционному духу, отрицательный смысл которого он обнаруживал со времен Ренессанса и Реформации, затем – в Просвещении, индивидуализме, рационализме, правах человека и т.п.

Мирча Элиаде, однако, не терял надежды на то, что современный человек дойдет до противопоставления себя Истории, «реализуя, наконец, стремление вернуться к архетипам,... обретя в глубине своего существа космические ритмы,... и вновь осознает собственный антропокосмический символизм». Это глубокомысленное рассуждение ученый подвел под понятие «нового гуманизма». Здесь он вступил на зыбкую почву мистицизма, который гораздо успешнее всегда использовало в своих построениях традиционное масонство. Единомышленник и товарищ Элиаде Юлиус Эвола писал ему в середине 50-х годов по поводу складывавшихся отношений румынского ученого с «масонами научного мира»: «Речь идет скорее о тактике, чем о методологии». При этом Эвола одобрил «введение некоего троянского коня в научную цитадель. Важно только ни в коем случае не попасться, учитывая, что научному кругу соответствует своеобразное психическое течение, способное оказывать очень тонкое влияние – деформирующее и заразительное». – Здесь описаны искажающие результаты и смысл творчества опасности, которые несут современные тайные общества для людей культуры.

Предложенная Элиаде идея «нового гуманизма» близка к литературе, публикуемой эзотерическими издательствами, и к идеологии New Age /Новый Век/, одним из вдохновителей которой в США был румынский ученый. Таким образом, он пожертвовал рациональной стройностью своих прежних концепций ради сомнительной возможности излагать острые темы в пока еще дозволенном виде. Так, евреи в более поздних работах Элиаде обвиняются в онтологических преступлениях. В них крестьянин европейского юго-востока, верный сути «космического христианства», избежавшего заразы иудаизма, превращался в фигуру спасителя будущего человечества.

Осторожно, но с большей твердостью, чем это делал Чоран, Мирча Элиаде обобщал опыт прошедшей войны применительно к вопросу о евреях. Не отрицая «холокост», он утверждал в 1952г.: «Всё должно было произойти именно так, как и произошло... Евреи во все времена расценивали переживаемые ими катастрофы как заслуженные, как Божью кару» /статья «Катастрофа и мессианство» в румынском эмигрантском журнале. Разоблачитель «холокоста» Жорж Батай, обхаживавший Элиаде в ту пору, не был знаком с этой статьей/. Обобщая материалы о Бухенвальде, румынский ученый упоминал множество деталей, облегчавших судьбу узников, вроде освобождения от работы на день из-за вшей, борделей в лагере и т.п. Трудности преодолевалась, по мнению Элиаде, «духовным самоуглублением», когда заключенные /имелись в виду не одни евреи – И.Б./ «поверили в существование духовной реальности, превосходившей их разумение».

Ученый писал о «холокосте» как о прелюдии к разрушению всего мира, исходя из своего тезиса: «История – это творение иудеохристианства», а предпосылка «катаклизма» кроется в решении человека творить историю. Отсюда вытекала вина евреев, как в собственных несчастьях, так и в трагической судьбе всего мира. В 1979г. Мирча Элиаде проводил исторические параллели «холокоста»: «Ацтеки, совершая кровавые жертвоприношения, считали, что помогают богу солнца, наци и русские, – что делают историю». Потому они не преступники, а люди сильных страстей, фанатики и, возможно, – больные, считал он. Несколько лет раньше Элиаде писал о том, что после концлагерей, исследования военных ритуалов посвящения европейских народов, несмотря на их высокий научный уровень и качество, стали подозрительными; их авторы рискуют, что их примут за нацистов». Это было точным описанием атмосферы, в которой оказались добросовестные ученые, вынужденные приспособляться к ней свои исследования или вовсе отказываться от них.

Мирча Элиаде максимально использовал первую возможность. Как ему казалось, он нашел способ облечь свои прежние убеждения в подходящую оболочку мистического свойства. Если он и раньше не чуждался мистики, как элемента

мифологического конструирования румынской и мировой истории, то теперь она заняла видное место в его научном мировоззрении. Первопричину кризиса западной цивилизации ученый видел в появлении десакрализованного мира, основными чертами которого были утверждение свободы личности и признание человека творцом истории, что неизбежно влекло всеобщее распространение рациональной и утилитаристской теории права, отрезанного от «космического миропорядка». Элиаде конструировал мир «архаического человека» на основе религиозных категорий и политической концепции, приведших его в свое время в ряды сторонников тоталитаризма, используя подходящую ко времени научную терминологию.

Кроме церемоний возрождения космоса, включая ритуальные убийства, человеческие жертвоприношения и т.п., в послевоенных произведениях ученый описывал испытания при индивидуальном или коллективном посвящении, обращался к теме тайных обществ, а также к военным ритуалам и в целом – к действиям, связанным со «смертью создающей». – Убийства евреев во время Второй мировой войны вполне вписывались в эту формулу, хотя и в ином смысле, чем самопожертвование героических личностей из мира европейских народов. Человек становится сам собой лишь после того, как «перенесет пытки и смерть, за которой последует пробуждение к новой жизни, качественно иной, потому что это – возрождение», – писал Элиаде в 1959г. Смерть этих героев, соответствующее «катарсису» древних, ведет к возвращению мира в естественное, «архаическое» состояние, полагал ученый.

Его «Отрывки из дневника» /1973/ воспроизводят фразу Андре Жида: «Угнетение не может принизить лучших, а что до остальных, это не имеет значения». Такое настроение уживалось в Элиаде с приверженностью к «народной духовности» традиционных крестьянских обществ, не подвергшихся заразе демократического разложения. Здесь он мыслил подобно Рене Генону, писавшему о перспективах «интеллектуального возрождения» на основе восстановления традиции. Размышления Элиаде об истоках «новой аристократии» напоминают проекты Анри Корбена о создании «духовного рыцарства». – В свое время Ницше признал возможность произрастания руководящего слоя в будущем из народных глубин. Всех эти личностей объединяло отвращение к вырождавшемуся буржуазному миру. И чем дальше шло время, тем яснее обозначались этапы этого падения.

Наряду с близостью к основанной во Франции Аленом де Бенуа организации Новая правая, Мирча Элиаде стал в 1979г. членом шефского комитета журнала «Nouvelle Etoile» /«Новая Звезда»/ и оставался там до конца жизни. До него в этот комитет вошли его друзья – физик румынского происхождения Стефан Лупаско и Жорж Дюмезиль. С ведома последнего и под лозунгами журнала «Фига-

ро-Магазин» кружок де Бенуа предпринял работу по теоретическому переосмыслению европейского национализма на базе доктрины об общем индоевропейском наследии. Таким образом, эта старинная идея была приспособлена к новой политической реальности. Ряд членов Кружка входил в GRESE /организацию националистов Европы/. Де Бенуа тогда критиковал «иудеохристианство» и разрабатывал неоязыческую доктрину, что отчасти совпадало с взглядами Мирчи Элиаде.

Если в 1945-67гг. имя Элиаде было под запретом в Румынии, то затем ситуация начала быстро меняться. В 70-е годы в Румынии шел процесс рестаилизации, и реабилитировались национальные ценности. В 1974г. Чаушеску принял титул Кондукатора, как когда-то Антонеску. Деятельность румынских властей направлялась против национальных меньшинств, в частности против венгров. Центральная роль национализма в идеологии по интенсивности и продолжительности не имела аналогов в советском блоке. Румынский «протохронизм» /«первый по времени»/ проповедовал идею приоритета нации в большинстве достижений европейской культуры. Несмотря на все преувеличения в нем было здоровое ядро противостояния марксистскому интернационализму и космополитическим тенденциям Запада. Именно поэтому в обновительном процессе принял видное участие Элиаде. Воскрешение национализма не было результатом исключительного насаждения сверху, но стало следствием переговорного процесса между многими участниками, не только близкими к режиму, и не всегда действовавшими из оппортунистических побуждений.

Американец румынского происхождения Н. Мани утверждал, что именно Мирче Элиаде принадлежала идея вновь запустить в Румынии дискуссию о национальной специфике. В начале 70-х Элиаде из своего «американского далёко» сумел убедить академика на пенсии Эдгара Папю привести протохронистское движение в соответствие с требованиями современности. В 1974г. Папю – университетский профессор в предвоенной Румынии, после 1945г. много лет сидевший в тюрьме, – опубликовал нашумевшую книгу «О румынском протохронизме». Многие писатели, социологи, историки и философы разделяли этот подход.

По решению Чаушеску в Румынии пышно отпраздновали 2050-й юбилей «единого дакского государства». Героические добродетели румынского народа воспевались в рамках непрекращающегося фольклорного фестиваля, в центре которого слитно стояли образы крестьянина и рабочего. Классовая борьба уступила место «нерушимому единству нации» на основе этнокультурной преемственности и традиции. Основанием для идеологического обновления режима явились давние исследования Луциана Благи об «этническом подсознательном» и Константина Нойки о «румынском ощущении бытия» /работа под этим названием опубликована в 1978г./. В 1973г. Мирча Элиаде поразила мировая реакция

на переворот Пиночета в виде мобилизации общественного мнения на Западе. Его возмущало то, что не нашлось такого же количества людей доброй воли в протест против коммунистических гнусностей. Но уже в конце этого года ученый, оценив перемены на родине, согласился на предложение румынского издательства написать план для публикации полного собрания своих сочинений. В Румынии выходили работы Элиаде и множество исследований его творчества. Журнал «Tribuna României» весной 1982г. посвятил ученому дифирамбическую статью «Румынские и универсальные ценности в творчестве Элиаде», написанную Р. Вулканеску – писателем, ставшим после 1989г. активистом крайне правой организации «Великая Румыния». В первой половине 80-х Мирча Элиаде получил румынское гражданство, но, как и Чоран, не вернулся в страну, где национализм сочетался с неприемлемой для них коммунистической доктриной.

К началу 1980-х годов семидесятилетний Мирча Элиаде оказался в зените заслуженной мировой славы. Его научные работы – статьи и книги переведены на двадцать с лишним языков. Один их список занял три тома. Он – почетный доктор десятка университетов, член множества академий. Работая с 1957г. заведующим кафедрой истории религий Чикагского университета, Элиаде каждое лето возвращался в Париж, левые интеллектуалы и политически влиятельная часть научных кругов которого долго бойкотировали ученого. Но в отличие от Эжена Ионеско он собственным творчеством, а не с посторонней помощью завоевал высочайший научный авторитет. Элиаде связывали тесные дружеские отношения со многими крупными учеными, среди которых были: Жорж Дюмезиль, Анри Корбен, Жан Гужар, Луи Массиньон, Жан Даныелу. Он завоевал широкую аудиторию рядовых читателей, привлеченных доступностью и легким стилем его работ. Поклонниками Элиаде стали такие известные лица, как историк культуры Морис де Грандиньяк и африканист Жорж Баландые, в статье 1978г. «Мирча Элиаде – хронист человечества» писавший: «Столь поразительная личность нашла выражение в не менее поразительном творчестве». Философ Поль Рикер заявлял, что гордится своей принадлежностью к тем, кто «в течение долгих лет возмущались непризнанием во Франции истинного величия Мирчи Элиаде, который помог ему продолжать мыслить и надеяться» /1978г./.

Со второй половины 70-х годов в массовом количестве публикуются большие интервью ученого в ведущих французских журналах, включая «L' Express» и «Le Nouvel Observateur». Более десятка его романов и новелл переведены в 1980-90-х годах. Эти издания всякий раз сопровождались восторженными рецензиями газеты «Le Monde». В 1984г. Элиаде приветствовали как «волшебника, вышедшего из Бухареста», а через три года его «Хулиганы» названы «великим романом». В 1986г. «Le Monde» писала: «Мирча Элиаде проторил путь к познанию более богатой человеческой природы». Все эти оценки далеко выходили за пределы преобладающей научной сферы деятельности выдающегося ученого

/религиоведение, история религий/. За Элиаде признали авторитет видного писателя и психолога. Множество коллег, философов, историков религий безусловно принимали его идеи или умеренно критиковали их с научных позиций. С 1957г. до смерти в 1986г. Элиаде поддерживал связь с некоторыми лицами из круга бывших легионеров, часть которых жила после войны в Канаде и США. – В Чикаго его личным врачом более двадцати лет был доктор Александром Роннет – один из глав железногвардейской эмиграции, автор апологетической книги «Румынский национализм: Легионерское движение».

В течение всего франко-американского периода жизни Элиаде не оставляли вниманием еврейские коллеги: Гершом Шолем, Цви Вербловски из Иерусалимского университета, писатель из США Сол Беллоу. В 1978г. румынский ученый обращался к своему последователю, иерусалимскому профессору Моше Иделю: «Невозможно создать объективную историю Легионерского движения, написать точный портрет К.З. Кодряну... Объективная позиция может стать роковой для потенциального автора. Сегодня проходят только апологии крайне малочисленных фанатиков со всего света или обличения /для большинства европейских и американских читателей/. После Бухенвальда и Освенцима даже честные люди не могут позволить себе быть объективными». Мирчу Элиаде удерживала от подобных попыток двусмысленность политической атмосферы и фальшивые наслоения вокруг «еврейского вопроса». Для полноты картины следует добавить, что Элиаде никогда не интересовался им с точки зрения жертв и, очевидно, не доверял многим свидетельствам о «холокосте». Позднее, в «Memoire II» он рискнул, игнорируя «политкорректность», выразить независимую точку зрения по этому вопросу.

Трудно восстановить подробности его общения с представителями еврейских кругов, но известно, что перечисленные выше лица в разной степени сомневались в юдофобстве Элиаде. Все они находились под влиянием его непрерываемого научного авторитета, и им льстило внимание такого светила. Сол Беллоу в персонаже ученого – прообразе Элиаде из романа «Ревелстайн» – фактически оправдал его довоенную жизнь. На похоронах знаменитого румына Беллоу выдержал речь в том же духе.

Последний период жизни Эмила Чорана наряду с интенсивным творчеством был насыщен эпизодами виртуозного самооправдания своего прошлого. Язык писателя стал лаконичен, изобиловал парадоксами, но суть прежних взглядов проглядывала сквозь изменившуюся форму. В 1957г. он писал философу К. Нойке о «двух типах общества». Различие между либеральным и коммунистическим обществом он определял как «нюансы худшего». – У либерального общества нет корней. Оно обязано, главным образом, упадку аристократии и способно процветать исключительно в больном социуме; в конечном итоге терпимость и

бессилие – синонимы. Ликвидировав тайну, абсолют, порядок, и не обладая больше ни подлинной метафизикой, ни действенной полицией, такое общество «отбрасывает индивидуум к самому себе, одновременно отстраняя его от всего, чем он является на самом деле, от его собственных глубин», – убеждал писатель.

Его симпатии к носителям тоталитарных идей проявлялись неоднократно. После 1960г. Чоран заявлял: «Гитлеру, еще в большей мере, чем Сталину, принадлежит та заслуга, что он задал веку тон». Значимость немецкого вождя была очень велика «не столько вследствие его непосредственных деяний, столько благодаря тому, провозвестником чего он стал – наброску нашего будущего». Еще одна мысль Чорана: Гитлер – «предтеча унификации мира на основе науки». В опубликованных в 1995г. «Беседах» Эмиль Чоран, говоря о недавнем прошлом, утверждал, что «немцы были единственными на Западе, кто еще сохранил какие-то остатки свежести и варварства». На всю жизнь писатель сохранил восхищение «героическим нонконформизмом» знаменитых французов – журналиста Люсьена Ребате и писателя Селина, осужденных по обвинению в коллаборационизме».

Чоран не разделял симпатий Мирчи Элиаде к «Новой правой», как идеологическому течению, разглядев в этой организации сочетание несовместимых персон и ростки будущего конформизма. Но в 1980г. его продолжала волновать судьба белых народов и отвращение к смешению рас. «Белая раса уступает позиции в христианском мире, прежде всего – чернокожим», – писал он. Чоран называл президента Миттерана «циником, которого поддерживают все те, кто не хотел принятия новых мер для торможения иммиграции, т.е. разные антирасистские движения». «Французы утратили свой жизненные инстинкты, – воскрешал свои прежние убеждения писатель, – они больше не реагируют, и это свидетельствует об их гибели». В 1977г. Чоран опубликовал в «Новом французском обозрении» статью о современном изменении народа /«Völkerwanderung»/, которое он сравнивал с инфильтрацией в общество низов, настаивая на масштабах и значимости явления, изменившего лицо Франции. Он говорил о «несчастьях Европы, разрушении Германии», о «кретинах-американцах». – «Через несколько лет, если они договорятся с русскими, они покинут Европу, и это будет означать победу России».

Чоран ненавидел Сартра за его лицемерное философствование в пользу ультралевых и отказался поддержать румынских иммигрантов, сотрудничавших с Лигой прав человека в Париже, в их призывах к поддержке либералов в Румынии. В «Моей стране» Эмиль Чоран писал: «Тот, кто между 20-ми и 30-ми годами не пережил этапа фантазии, ярости и безумия, – просто дурак. Либералом становятся только вследствие усталости, демократом – на основании доводов

вялого рассудка». Художественная фантазия писателя подсказывала ему хитроумные образы перевоплощения, но она не могла скрыть его природного недоверия к чуждым Европе народам, среди которых он выделял евреев. Писатель называл еврейского социолога Люсьена Гольдмана «личным клеветником», «записным хулителем». О еврейском поэте П. Чолане, оцененном им ранее со спокойной сдержанностью, и покончившим жизнь самоубийством в 1970г., он говорил в 1986г., как о «неуравновешенном человеке,... который был полон злобы к румынам». В 1990г. Чоран публично назвал «оправданием Румынии» крупного румынского поэта-антисемита Михаила Эминеску, который «спасет румынскую культуру». Но личные отношения Эмила Чорана с рядом евреев, подвергшихся репрессиям во Франции в оккупационный период, отличались достоинством и готовностью прийти на помощь, как это было с писателем Фондане, которого Чоран упорно пытался спасти от преследования.

Эмигрантские группы во Франции разделяли не только политические разногласия, но также национальный состав. Еврейская часть эмиграции обособилась от остальных. Их представитель Эжен Ионеско, которому было уже за сорок лет, ощутил необходимость быстрого прорыва к славе. Не обладая разнообразными талантами своих знаменитых соотечественников, рассчитывая лишь на содействие покровителей, он, наконец, взобрался наверх с ловкостью фокусника, доказав, что недостаток творческой силы больше не ставил непреодолимых препятствий для пробивной натуры. После войны Ионеско перепробовал во Франции несколько профессий. Первые шесть лет прошли незаметно из-за недоверия режиссеров к его пьесам и равнодушия публики и критики. В 1952г. пресса осмеяла претенциозную пьесу Ионеско «Стулья», претендовавшую на видное место в ряду «авангарда», представители которого /Беккет, Кено, Супервиль, Адамов/ без успеха пытались противостоять этой неудаче.

Тогда Ионеско решил завоевать Париж извне. Решающей вехой на этом пути стало его выступление на открытии Бесед о театре авангарда в Хельсинки в 1959г., после которого иностранные критики, подготовленные пропагандой к утверждению любой нелепости, если она противостояла традициям, открыли для себя этого «пионера нового театра». Французы последовали их примеру лишь в 1966г., когда пьесы Ионеско были включены в репертуар «Комеди Франсез». Через четыре года он добился признания и от Французской академии, став её членом, /обрёл сан «бессмертного»/. Глубокой привязанностью отличалось отношение Эжена Ионеско к Израилю, который он посещал в 1963, 65 и 67г. – во время шестидневной войны с арабами. В 1973г. он стал лауреатом израильской премии «За вклад в свободу индивидуума», которую ставил выше Нобелевской. «Я принадлежу к избранной расе тех, кто должен совершить невозможное», – говорил Ионеско, восхищаясь хасидами и... еврейскими юмористами !/!. Он был активистом «Amnestiy Internatinal» и ряда других пра-

возащитных организаций, соединяя писательскую работу с политической деятельностью в одном ряду с интернационалистами-масонами: Яном Паточкой, Вацлавом Гавелом, Адамом Михником, венгерским социологом Дьердом Конрадом...

Эмиль Чоран и Мирча Элиаде, возле которых периодически появлялся Эжен Ионеско, то в роли хулителя, то хвалителя, – не нуждались в доказательствах своей мировой славы в литературном и научном мире с помощью политических выкрутасов. Элиаде был признан самым крупным историком религий нашей эпохи, Чоран – писателем-философом высокого уровня, не заботящимся о знаках внимания, которые предлагались ему престижными инстанциями. Он отклонял все литературные награды, которые ему присуждали во второй половине 70-х годов за его произведения: премии Сент-Бёва, Комба, Роже Нимье, за исключением премии Ривароля, полученной еще в 1949г. Чоран объяснял свои отказы от премий принципиальным неприятием всяких почестей. Все его работы, начиная с «Краткого курса разложения», заслужили высокие отзывы мэтров литературы: Мориса Надо, Клода Мориака, Алена Боске. Знаменитый философ-экзистенциалист Габриель Марсель в 1969г. видел в Чоране «великого моралиста». Анжело Ринальди в 1973г. приветствовал в его лице «самого крупного французского прозаика /«L'Express», январь, 1986г./». О нём писали как о «великом французском стилисте».

Высоким оценкам творчества Элиаде и Чорана уже не мешает их политическое прошлое, которое никто из них не считал ошибочным. Еще в 90-е годы некоторые на Западе призывали «сжечь» Элиаде, Чорана и Жоржа Дюмезиля. Сегодня европейская культура гордится их славными именами. Не забыты они и на родине. В Румынии XXI века, реабилитировавшей Антонеску /ему поставлены десятки памятников!/, радикальные правые, движения превозносят Элиаде и Чорана, как своих идеологов. Большинство интеллектуалов современной Румынии считают обоих ученых национальными героями. Опыт последнего столетия научил мыслящие европейские круги с почтением относиться к славным именам в своей истории независимо от оценок, даваемых недавнему прошлому ведущими силами Запада из клановых политических соображений.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

Велесова Слобода, 2008 г.